

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Буид (Bouyid) против Бельгии»¹

(Жалоба № 23380/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 28 сентября 2015 г.

По делу «Буид против Бельгии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Дина Шпильманна, *Председателя Большой Палаты,*

Гвидо Раймонди,

Изабель Берро,

Альвины Гюлумян,

Леди Бианку,

Ноны Цоцории,

Небойши Вучинича,

Винсента А. де Гаэтано,

Паулу Пинту де Альбукерке,

Эрика Мёсе,

Хелен Келлер,

Пауля Лемменса,

Пола Махони,

Кшиштофа Войтычека,

Фариса Вехабовича,

Эгидиуса Куриса,

Юлии Антоанеллы Моток, *судей,*

а также при участии Йохана Каллеварта, *заместителя Секретаря Большой Палаты,*

рассмотрев дело в открытом заседании 8 октября 2014 г. и 24 июня 2015 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 23380/09, поданной против Королевства Бельгия в Европейский Суд по правам человека

¹ Перевод с английского языка Г.А. Николаева.

² Настоящее Постановление вступило в силу 28 сентября 2015 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

ка (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) двумя гражданами Бельгии: Саидом (далее – первый заявитель) и Мохамедом Буидами (далее – второй заявитель, вместе – заявители), – 28 апреля 2009 г.

2. Интересы заявителей представляли Кристоф Маршан (*Christophe Marchand*) и Зухайер Шихауи (*Zouhaier Chihaoui*), адвокаты, практикующие в г. Брюсселе. Власти Бельгии были представлены их агентом Марком Тисебартом (*Marc Tysebaert*), старшим советником Федерального департамента юстиции.

3. Утверждая, в частности, что они оба получили пощечины от сотрудников полиции, когда они находились в отделе полиции, заявители жаловались на унижающее достоинство обращение и полагали, что являются жертвами нарушения статьи 3 Конвенции.

4. Жалоба была распределена в Пятую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). Постановлением, вынесенным 21 ноября 2013 г., Палата этой Секции объявила жалобу на нарушение статьи 3 Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу, а в остальной части – неприемлемой и единогласно установила, что по делу не было допущено нарушения требования статьи 3 Конвенции. В состав Палаты входили Марк Виллигер, Председатель, Энн Пауэр-Форд, Ганна Юдковская, Андре Потоцкий, Пауль Лемменс, Хелена Ядерблом и Алеша Пейхал, судьи, а также Стивен Филлипс, заместитель Секретаря Секции. В письме от 24 января 2014 г. в соответствии со статьей 43 Конвенции заявители просили о передаче дела в Большую Палату Европейского Суда. Комитет Большой Палаты удовлетворил их ходатайство 24 марта 2014 г.

5. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда.

6. Заявители и власти Бельгии подали дополнительные письменные объяснения (пункт 1 правила 59 Регламента Суда) по существу жалобы.

7. Неправительственная организация «РЕДРЕСС» (*REDRESS*) и Центр прав человека Гентского университета (*Human Rights Centre of the University of Ghent*) получили разрешение принять участие в письменной процедуре (пункт 2 статьи 36³ Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Суда).

8. Открытое слушание состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 8 октября 2014 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

³ Статья регулирует участие третьих сторон, в качестве которых и были привлечены данные участники разбирательства (*примеч. переводчика*).

В Европейский Суд явились:

(а) от властей Бельгии:

И. Нидлиспахер (*I. Niedlispacher*), соагент;

(б) от заявителей:

К. Маршан,

З. Шихауи, адвокат.

Европейский Суд заслушал выступления Маршана, Шихауи и Нидлиспахера, а также ответ Маршана и Нидлиспахера на вопросы, поставленные судьями.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявители родились в 1986 и 1979 годах соответственно и проживают в Сен-Жосс-тен-Ноде (*Saint-Josse-ten-Noode*) (район Брюссельского столичного региона).

10. Заявители являются братьями, проживающими совместно со своими родителями, их братом и двумя сестрами рядом с местным отделом полиции Сен-Жосс-тен-Ноде. Они оба жаловались на то, что сотрудники полиции дали им пощечины, что оспаривалось властями Бельгии, одному – 8 декабря 2003 г., а другому – 23 февраля 2004 г. Они утверждали, что эти события произошли в контексте напряженных отношений между их семьей и некоторыми сотрудниками отдела полиции.

А. СОБЫТИЯ 8 ДЕКАБРЯ 2003 Г. И 23 ФЕВРАЛЯ 2004 Г.

1. События 8 декабря 2003 г.

11. Заявители утверждали, что 8 декабря 2003 г., примерно в 16.00, первый заявитель стоял с другом на улице у входа в здание, где он жил со своей семьей, и поскольку он забыл ключи, то звонил в дверь, чтобы его впустили родители. В это время полицейский в гражданской одежде А.З. потребовал от него предъявить удостоверение личности. Первый заявитель отказался сделать это, потребовав от полицейского предъявить свои документы. Тогда сотрудник полиции схватил его за куртку и доставил в отдел полиции. Первый заявитель был помещен в комнату, и когда он находился наедине с А.З., данный сотрудник дал ему пощечину, когда он протестовал против своего задержания.

12. Заявители представили справку, выданную в 19.20 того же дня врачом общей практики, в которой указывалось, что первый заявитель находился «в состоянии шока», и перечислялись следующие травмы: «покраснение на левой щеке (исчезающее)» и «покраснение на левой стороне внешнего слухового канала».

13. Власти Бельгии утверждали, что в связи с отказом первого заявителя предъявить удосто-

верение личности сотрудник А.З. был вынужден доставить его в отдел полиции для установления личности. Тогда первый заявитель устроил сцену, утверждая, что к нему отнеслись несправедливо и что он был подвергнут незаконной проверке документов, и оскорблял сотрудника, который убеждал его успокоиться. Ему было разрешено покинуть отдел полиции после установления его личности и после того, как А.З. сообщил ему, что против него будет составлен полицейский протокол за насильственное сопротивление публичному должностному лицу, непристойное поведение и словесные угрозы. Он вернулся в отдел полиции через несколько минут вместе с родителями, обвиняя А.З. в побоях, но сотрудник всё это отрицал.

14. В 18.00 А.З. подал уголовную жалобу против первого заявителя, ссылаясь на насильственное сопротивление публичному должностному лицу, непристойное поведение и словесные угрозы. Согласно протоколу, составленному по этому поводу, А.З. уведомил начальство о событиях в 17.30, а также некоего «суперинтенданта К.».

2. События 23 февраля 2004 г.

15. Заявители указали, что 23 февраля 2004 г., с 9.44 по 10.20 (как указано в протоколе допроса второго заявителя), когда второй заявитель находился в Сен-Жосс-тен-Нодеском отделе полиции и сотрудник Р.Р. допрашивал его по поводу стычки с участием его, его матери и третьего лица (на которую последнее подало жалобу), Р.Р. дал ему пощечину, потребовав не наваливаться на его стол. Затем второго заявителя заставили подписать показания, угрожая отправить его в камеру.

16. Заявители представили справку, выданную в тот же день врачом общей практики, который зафиксировал «кровоподтек [на] левой щеке» второго заявителя. В справке не было указано время ее составления, однако, по-видимому, это произошло до 11.20», когда она была представлена в «Комитет Р» (см. § 25 настоящего Постановления).

17. Власти Бельгии пояснили, что второй заявитель вел себя крайне нагло во время допроса: развалился на стуле, иногда наваливаясь на стол Р.Р., беспричинно смеялся и давал нравоучительные ответы на вопросы. Он также несколько раз менял свои показания, утверждая, что полиции платят за это, и угрожал сотрудникам при уходе, что они о нем еще услышат. Власти Бельгии подчеркнули, что, несмотря на поведение второго заявителя, который явно провоцировал конфликт, Р.Р. оставался спокойным и терпеливым.

В. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПО ПОВОДУ СОБЫТИЙ

18. Как утверждали заявители, полиция Сен-Жосс-тен-Ноде запугивала их семью. Они указыва-

ли, что проблемы начались в 1999 году, когда один из сотрудников заподозрил их брата N. в нанесении царапин на его машину. N. впоследствии обвинялся в угрозах тому же сотруднику и совершении грабежей, по поводу чего он был оправдан Брюссельским судом по делам молодежи 21 апреля 2000 г. Как отмечали заявители, дело против него было полностью сфабриковано сотрудниками Сен-Жосс-тен-Нодеской полиции в отместку.

19. Они добавили, что 24 июня 1999 г. первого заявителя, которому тогда было 13 лет, «побил» еще один сотрудник в отделе полиции, куда он был доставлен после драки на улице. У него произошла перфорация барабанной перепонки. Его мать и одна из сестер, которые находились в комнате ожидания, были потрясены и также подверглись издевательствам со стороны сотрудников полиции.

20. 25 ноября 1999 г. одну из сестер словесно оскорбил сотрудник Сен-Жосс-тен-Нодеской полиции, а 11 марта 2000 г. их брата N. обыскали, оттолкнули и словесно оскорбили сотрудники полиции.

21. Они дополнительно указали, что в 2000 году «...Сен-Жосс-тен-Нодеская полиция возбудила дело против N. и передала его следственному судье», но разбирательство было прекращено. В том же году второй заявитель «разыскивался для допроса», и даже хотя Сен-Жосс-тен-Нодеская полиция объявила 23 июля 2002 г., что он был исключен из соответствующего списка «розыска», он по-прежнему должен был подавать различные жалобы в прокуратуру и ждать до марта 2005 года окончания процедуры, что причинило ему большое неудобство.

22. 6 апреля и 12 июля 2001 г. соответственно сотрудники Сен-Жосс-тен-Нодеской полиции словесно оскорбили их брата N. и второго заявителя.

23. Заявители объяснили, что систематически сообщали в судебные органы или полицию о происшествиях, жертвами которых они являлись, и подавали жалобы.

С. ЖАЛОБЫ ПО ПОВОДУ СОБЫТИЙ 8 ДЕКАБРЯ 2003 Г. И 23 ФЕВРАЛЯ 2004 Г., ГРАЖДАНСКИЙ ИСК, СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ И РЕШЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

24. 9 декабря 2003 г., в 9.42, первый заявитель подал жалобу в постоянный комитет по надзору за полицейскими службами (известный как «Комитет Р») и был допрошен членом следственного отдела. Копия медицинской справки, составленной накануне, была приложена к первоначальному протоколу.

25. Второй заявитель подал жалобу 23 февраля 2004 г., в 11.20. Он, в частности, указал, что считал, что «общее отношение Сен-Жоссской полиции по отношению к [его] семье [стало] абсолютно нетерпимым и чрезмерным до степени, [предполагаемой] переезд на другую квартиру». Копия меди-

цинской справки, составленной в тот же день, была приложена к первоначальному протоколу.

26. Мать заявителей также была допрошена 23 февраля 2004 г. следственным отделом «Комитета Р» в отношении жалобы второго заявителя. Она подчеркнула, что, как только они вернулись домой, она вызвала некоего «суперинтенданта К.» (см. § 14 настоящего Постановления), чтобы просить его уговорить Р.Р. извиниться. Суперинтендант К. немедленно пришел к ним домой, где встретился с врачом, который оформлял медицинские справки. Мать заявителей также подала жалобу, указав, в частности, что она сама подверглась пренебрежительному обращению со стороны сотрудника Р.Р.

27. 5 мая 2004 г. сотрудник Р.Р. был допрошен директором внутреннего контроля за местной полицией в отношении жалобы второго заявителя и его матери. Р.Р., в частности, сообщил, что второй заявитель был особенно дерзок с ним во время допроса и что, хотя он взял юношу за руку, чтобы вывести его из кабинета, он не ударил его по лицу.

28. 17 июня 2004 г. заявители обратились о их привлечении в качестве гражданских истцов по обвинениям в запугивании, произвольном вмешательстве в основные свободы, превышении должностных полномочий, произвольном задержании и умышленном ранении. Они описали все свои проблемы со Сен-Жосс-тен-Нодеской полицией и прямо указали, что хотят выступить в качестве гражданских истцов по поводу событий 8 декабря 2003 г. и 23 февраля 2004 г.

29. Сотрудники А.З. и Р.Р. были обвинены в применении насилия к лицам в ходе исполнения ими своих обязанностей и, в частности, в умышленном ранении или нападении и в совершении произвольных действий в нарушение прав и свобод, гарантированных Конституцией.

30. 26 июня 2004 г. следственный судья Брюссельского суда первой инстанции дал указания следственному отделу «Комитета Р», прося учесть требование заявителей об их признании гражданскими истцами, допросить их для выяснения подробностей их жалобы, составить отчет о поведении семьи Буидов, перечислить список дел, возбужденных против них, и жалоб, поданных ими, и пояснить, какие действия были приняты в этой связи.

31. С учетом того факта, что он уже получал показания заявителей, когда они подавали соответствующие жалобы (см. §§ 24–25 настоящего Постановления), следственный отдел «Комитета Р» решил вновь не допрашивать заявителей. 26 июля 2004 г. он направил следственному судье отчет, основанный на документах Департамента внутреннего контроля полицейского округа, охватывающего Сен-Жосс-тен-Ноде, в котором описывалась динамика отношений между семьей заявителей и местным отделом полиции. В отчете перечислялись дела против семьи, отметив в этой связи, что

первый заявитель был замешан в разбирательстве, возбужденном в декабре 2003 года по поводу непристойного и угрожающего поведения и оказания сопротивления сотруднику полиции, а N. – в семи разбирательствах, возбужденных с октября 1997 года по июнь 1999 года. Он также отмечал, что в дополнение к данным жалобам заявителей в настоящем деле членами их семьи были поданы три судебных жалобы (две – в «Комитет Р» в июне 1999 года и июле 2001 года, и одна – в «молодежный дивизион» в 1999 году), и две жалобы были рассмотрены Департаментом внутреннего контроля полицейского округа, охватывающего Сен-Жосс-тен-Ноде. Наконец, со ссылкой на отчет, составленный в контексте дела против первого заявителя, и выводы административных проверок «Комитет Р» отметил проблематичный характер отношений между местным отделом полиции и семьей Буидов и комментировал «поведение последней в целом», указав следующее:

«В итоге, как утверждают сотрудники полиции, семья Буидов (особенно женщины, и в частности мать) по-видимому, отказывается признать, что дети семьи несут какую-либо ответственность за данное непристойное поведение. Таким образом, они поддерживают их действия данной оборонительной позицией. В целом считается, что члены семьи ведут себя агрессивно и провокационно по отношению к сотрудникам полиции.

После происшествий с участием сотрудника полиции [В.] координатор диалога, по-видимому, потерпел неудачу в попытке примирения в связи с непримиримым отношением со стороны женщин семьи Буидов.

В 1999 и 2000 годах ситуация потребовала назначения полицейского кадета в качестве медиатора для данной семьи».

32. 3 августа 2004 г. следственный судья решил прекратить расследование и направил материалы в органы уголовного преследования.

33. 16 ноября 2004 г. сотрудник А.З. был допрошен членом следственного отдела «Комитета Р» по поводу событий 8 декабря 2003 г. Он, в частности, указал, что ранее не знал первого заявителя, когда доставил его в Сен-Жосс-тен-Нодеский отдел полиции в данный день.

34. В заявлении от 10 ноября 2005 г. королевский прокурор потребовал прекратить дело на том основании, что «судебное следование не установило, что факты составляют преступление или правонарушение, и не представило доказательств, которые оправдывают принятие дальнейших мер».

35. Заявители были уведомлены о том, что дело будет окончено в отделении предания суду Брюссельского суда первой инстанции 2 марта 2006 г. Кроме того, 1 марта 2006 г. они направили заявление следственному судье с требованием о принятии еще 20 следственных мер. Это требование повлекло отложение дела в отделении предания суду *sine die*¹.

¹ *Sine die* (лат.) – на неопределенный срок (примеч. редактора).

36. 7 марта 2006 г. следственный судья принял решение о принятии двух запрошенных мер и отклонил заявление в остальной части на том основании, что оно касалось фактов, предшествовавших событиям, которые он рассматривал, и что требуемые меры не были необходимы для установления истины. Поэтому, обобщая все свои жалобы против Сен-Жосс-тен-Нодеской полиции, заявители и другие члены их семьи направили следственному судье запрос о «расширении статуса гражданского истца», но он был отклонен. Две дополнительные меры были приняты 25 апреля, 15 мая и 24 мая 2006 г.

37. Приказом от 27 ноября 2007 г. отделение предания суду, согласившись с доводами заявления королевского прокурора, прекратило производство.

38. Заявители обжаловали данный приказ.

39. Заявлением от 3 декабря 2007 г. главный королевский прокурор предложил поддержать приказ о прекращении.

40. 5 февраля 2008 г. заявители и другие члены их семьи подали жалобу в качестве гражданских истцов в отношении всех фактов, которые следственный судья признал непереданными себе (см. §§ 43–44 настоящего Постановления).

41. 9 апреля 2008 г. обвинительная камера Брюссельского апелляционного суда, отказав в присоединении дела о событиях 8 ноября 2003 г. и 23 февраля 2004 г. к новому делу, которое было возбуждено по жалобе гражданских истцов от 5 февраля 2008 г., поддержало приказ о прекращении решением, которое предусматривало следующее:

«...Факты дела могут быть кратко изложены следующим образом.

– 8 декабря 2003 г. обвиняемый [А.З.], как утверждается, допустил незаконное полицейское поведение против гражданского истца Саида Буида, описанное последним так: сотрудник полиции [А.З.], остановив его около дома, предположительно схватил его за куртку и порвал ее; затем он был доставлен в отдел полиции, расположенный поблизости, где тот же сотрудник предположительно дал ему пощечину правой рукой.

– 23 февраля 2004 г. обвиняемый [Р.Р.], как утверждается, допустил незаконное полицейское поведение против гражданского истца Мохамеда Буида, описанное последним так: остановив свой автомобиль перед домом, чтобы мать могла отправиться за покупками, он устроил скандал с водителем стоявшего сзади автомобиля, по жалобе водителя его вызвали в отдел полиции, во время допроса обвиняемый [Р.Р.] предположительно дал пощечину Мохамеду Буиду (см. медицинскую справку, выданную врачом...), угрожал поместить его в камеру, если он не подпишет свои показания, когда он в действительности хотел изменить их.

– Семья Буидов, по-видимому, сталкивается с большими трудностями при общении с некоторыми членами Сен-Жосс-тен-Нодеской полиции с марта 1999 года, когда сотрудник полиции [В.] заподозрил Саида Буида в том, что тот поцарапал

его автомобиль, что вызвало определенные конфликты и преследования этой семьи полицией.

– Утверждается, что со стороны сотрудников полиции Сен-Жосс-тен-Ноде имели место постоянные провокации, что делало жизнь семьи Буидов невыносимой.

Департамент внутреннего контроля [данного] полицейского округа и следственного отдела “Комитета Р” провели углубленное расследование по фактам, обжалуемым гражданскими истцами.

Из выводов судебного следствия и, в частности, из непоследовательных объяснений данных сторон следует, что против обвиняемых отсутствуют доказательства, оправдывающие их предание суду по обвинениям, перечисленным в заявлении главного королевского прокурора, в отношении периода, когда преступления были предположительно совершены.

Объяснения обвиняемых, которые отрицали предъявленные обвинения, являются последовательными. В этой связи можно сослаться на подробный отчет относительно общего поведения семьи гражданских истцов, составленный “Комитетом Р”, который проясняет общий контекст дела.

Гражданские истцы не предоставили суду, заседавшему в качестве обвинительной камеры, новой, относимой и убедительной информации, ранее не доводившейся до сведения суда и способной представить хоть какие-то доказательства против обвиняемых, которые могли оправдать их предание суду.

Кроме того, судебное следствие не выявило достаточных данных, способных доказать, что во время инцидентов, к которым предположительно были причастны обвиняемые, были совершены преступления.

Вместе с тем из материалов дела не следует, что положения статьи 37 Закона о полиции от 5 августа 1992 г. не были соблюдены.

Как подчеркивалось в заявлениях королевского прокурора от 10 ноября 2005 г. и главного королевского прокурора и решении камеры предания суду, факты настоящего дела не составляют тяжелое или менее тяжелое преступление...».

42. Кассационная жалоба, поданная заявителями, со ссылкой, в частности, на статьи 3, 6 и 13 Конвенции была отклонена 29 октября 2008 г. Кассационным судом.

D. ГРАЖДАНСКИЙ ИСК ПО ПОВОДУ СОБЫТИЙ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ ПРОИСШЕСТВИЯМ 8 ДЕКАБРЯ 2003 г. И 23 ФЕВРАЛЯ 2004 г.

43. 5 февраля 2008 г. шесть членов семьи Буидов, включая обоих заявителей, подали гражданский иск следственному судье Брюссельского суда первой инстанции по поводу всех их обвинений против сотрудников полиции Сен-Жосс-тен-Ноде, в частности, относительно фактов, предшествовавших событиям 8 декабря 2003 г. и 23 февраля 2004 г.

44. В результате гражданского иска шестеро сотрудников полиции явились в Брюссельский суд первой инстанции на рассмотрение дела по существу. В решении от 30 мая 2012 г. суд объявил, что для преследования соответствующих преступлений истек срок давности. Судя по материалам дела, решение не было обжаловано.

II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ИНСТРУМЕНТЫ И ДОКУМЕНТЫ

A. ПОНЯТИЕ ДОСТОИНСТВА

45. Преамбула к Уставу ООН от 26 июня 1946 г. подтверждает решимость народов объединенных наций «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и равенство прав больших и малых наций». Понятие достоинства также упоминается во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., в преамбуле к которой указывается, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых их прав является основой свободы, справедливости и всеобщего мира», а статья 1 предусматривает, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах».

46. Многие позднейшие международные правозащитные материалы и инструменты ссылаются на это понятие, включая:

– Декларацию ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 20 ноября 1963 г., которая «торжественно заявляет о необходимости быстрой ликвидации во всех частях мира расовой дискриминации во всех ее формах и проявлениях и обеспечения понимания и уважения достоинства человеческой личности», Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. (ратифицированную Бельгией), преамбула к которой содержит ссылку на эту декларацию;

– Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (оба ратифицированы Бельгией), в преамбуле к которой указывается, что равные и неотъемлемые права всех членов человеческой семьи «вытекают из присущего человеческой личности достоинства». Кроме того, статья 10 первого пакта предусматривает, что «все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности», а статья 13 второго устанавливает, что «участвующие в Пакте государства признают право каждого человека на образование. Они соглашаются, что образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и создание ее достоинства и должно укре-

пять уважение к правам человека и основным свободам...»;

– Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. (ратифицированную Бельгией), в преамбуле к которой подчеркивается, в частности, что дискриминация против женщин «нарушает принципы равноправия и уважения человеческого достоинства»;

– Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. (ратифицированную Бельгией), в преамбуле которой подчеркивается, что «равные и неотъемлемые права всех членов человеческой семьи... вытекают из достоинства, присущего человеческой личности»;

– Конвенцию о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (ратифицированную Бельгией), в преамбуле к которой предусматривается, что «ребенок должен быть полностью подготовлен к самостоятельной жизни в обществе и воспитан в духе идеалов, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций, и особенно в духе мира, достоинства, терпимости, свободы, равенства и солидарности» (см. также пункт 1 статьи 23, пункт 2 статьи 28, статью 37, статью 39 и пункт 1 статьи 40);

– Международную конвенцию для защиты всех лиц от принудительного исчезновения (пункт 2 статьи 19 и подпункт «с» пункта 5 статьи 24) (ратифицированную Бельгией);

– Конвенцию о правах инвалидов (ратифицированную Бельгией), в преамбуле к которой указывается, что «дискриминация в отношении любого лица по признаку инвалидности представляет собой ущемление достоинства и ценности, присущих человеческой личности», и цели которой включают «поощрение уважения, присущего» инвалидам «достоинства» (статья 1), что является также одним из ее общих принципов (пункт «а» статьи 3) (см. также пункт «а» статьи 8, пункт 4 статьи 16, пункт 1 статьи 24 и статью 25);

– Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах об отмене смертной казни от 15 декабря 1989 г. (ратифицирован Бельгией), преамбула к которому выражает убеждение в том, что «отмена смертной казни способствует укреплению человеческого достоинства и прогрессивному развитию прав человека»;

– Факультативный протокол от 19 декабря 2011 г. к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений (ратифицирован Бельгией), в преамбуле к которому вновь подтверждается «статус ребенка как субъекта прав и как человеческого существа с присущим ему достоинством и с развивающимися возможностями»;

– Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах от 10 декабря 2008 г. (ратифици-

рован Бельгией) и Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 6 октября 1999 г. (ратифицирован Бельгией).

47. Несколько региональных правозащитных материалов и инструментов также ссылаются на понятие достоинства, включая следующие:

– Американскую конвенцию о правах человека от 22 ноября 1969 г. (пункт 2 статьи 5, пункт 2 статьи 6 и пункт 1 статьи 11);

– Заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г., который предусматривает, что государства «будут поощрять и развивать эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития» (принцип VII);

– Африканскую хартию прав человека и народов от 28 июня 1981 г., статья 5 которой устанавливает, что «Каждый человек имеет право на уважение его достоинства, присущего человеческой личности, и на признание его правосубъектности»;

– Конвенцию о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины от 4 апреля 1997 г. (которую Бельгия не подписала), в преамбуле к которой подтверждается, в частности, «необходимость уважать человека одновременно как индивидуума и в его принадлежности к человеческому роду, и признавая важность обеспечения [его] достоинства»;

– Хартию основных прав Европейского союза от 7 декабря 2000 г., преамбула к которой подчеркивает, что, «сознавая свое духовное и моральное достоинство, Европейский союз основывается на неделимых и всеобщих ценностях – достоинстве человека, свободе, равенстве и солидарности», и статья 1 которого предусматривает, что «достоинство человека неприкосновенно. Его необходимо уважать и защищать» (см. также статью 31 о «справедливых и равных условиях труда»);

– Протокол № 13 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни при любых обстоятельствах от 3 мая 2002 г. (ратифицирован Бельгией), в преамбуле которого указано, что «отмена смертной казни является основным условием защиты права на жизнь и полного признания достоинства, присущего всем человеческим существам»;

– Конвенцию Совета Европы о противодействии торговле людьми от 16 мая 2005 г. (ратифицированную Бельгией), преамбула к которой подчеркивает, что «торговля людьми является нарушением прав человека и посягательством на достоинство и неприкосновенность личности» (см. также статьи 6 и 16).

В. ДОКУМЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОМИТЕТА ПРОТИВ ПЫТОК И БЕСЧЕЛОВЕЧНОГО ИЛИ УНИЖАЮЩЕГО ДОСТОИНСТВО ОБРАЩЕНИЯ ИЛИ НАКАЗАНИЯ

48. В документе под названием «Стандарты ЕКПП» (СРТ/Inf/E(2002)1–Rev.2015) Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП) устанавливает следующее:

«...97. Учитывая полномочия ЕКПП в сфере профилактики, приоритетом во время посещений ЕКПП является стремление установить, подвергаются ли несовершеннолетние, лишённые свободы, плохому обращению. К сожалению, намеренное плохое обращение с несовершеннолетними со стороны сотрудников правоохранительных органов ни в коей мере нельзя считать искоренённым, и это действительно вызывает озабоченность в ряде европейских стран. Делегации ЕКПП по-прежнему получают заслуживающие доверия сообщения о плохом обращении с несовершеннолетними, находящимися под стражей. Данные утверждения часто касаются пинков, пощечин и ударов палкой во время задержания (даже после того, как над соответствующим несовершеннолетним установлен контроль), во время транспортировки или при последующем допросе в правоохранительных учреждениях. Встречаются также случаи, когда несовершеннолетние становятся жертвой угроз или словесных оскорблений (в том числе расистского характера) во время нахождения под контролем правоохранительных органов...

126. ...В ряде учреждений, которые посетил ЕКПП, отмечались случаи, когда сотрудники давали так называемые шлепки в воспитательных целях или применяли иные формы физического наказания к тем несовершеннолетним, которые плохо себя вели. В этой связи ЕКПП напоминает, что телесные наказания могут приравниваться к плохому обращению и должны быть строго запрещены...».

ЕКПП также отметил следующее в своем Девятом общем докладе (СРТ/Inf(99)12) 30 августа 1999 г.:

«...24. В ряде учреждений, посещаемых ЕКПП, его членам приходилось слышать, что довольно распространенной практикой среди персонала в случае плохого поведения несовершеннолетних является “педагогическая пощечина”. ЕКПП считает, что в целях предотвращения жестокого обращения все формы физического наказания должны быть запрещены формально и не применяться на практике. С заключёнными, которые ведут себя ненадлежащим образом, нужно обращаться в соответствии с предписанными дисциплинарными нормами...».

49. В своем докладе Правительству Бельгии по результатам посещения Бельгии с 18 по 27 апреля 2005 г. (СРТ/Inf (2006)15, 20 апреля 2006 г.) ЕКПП, в частности, указал:

«...11. На основе информации, полученной во время посещения страны, ЕКПП пришел к выводу, как и во время первых трех посещений Бельгии, что

угроза жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов во время содержания под стражей не может быть исключена. Соответственно, ЕКПП рекомендует властям Бельгии сохранять бдительность в этой сфере и принимать специальные меры в делах молодежи, лишённой свободы.

ЕКПП также рекомендует, чтобы сотрудникам правоохранительных органов регулярно делали целесообразные напоминания о том, что любая форма жестокого обращения с лицами, лишёнными свободы, включая оскорбления, является неприемлемой, и что любая информация по поводу предполагаемого жестокого обращения будет надлежащим образом расследоваться и виновные в таком обращении будут сурово наказаны.

12. Конкретно, что касается утверждений о жестоком обращении со стороны сотрудников правоохранительных органов при задержании подозреваемого, ЕКПП неоднократно отмечал, что этот процесс несомненно иногда представляет трудную и опасную задачу, в частности, когда заинтересованное лицо сопротивляется или сотрудники правоохранительных органов имеют достаточные основания полагать, что лицо представляет непосредственную угрозу. Однако применение силы при осуществлении задержания должно сводиться к строго необходимому, кроме того, не может быть оправдания для применения побоев к задержанным, когда они взяты под контроль...».

Доклад ЕКПП о посещении Бельгии с 28 сентября по 7 октября 2009 г. (СРТ/Inf(2010)24, 23 июля 2010 г.) содержит, в частности, следующие указания:

«...13. В ходе посещений отделов полиции делегация ЕКПП встречала немного людей, лишённых свободы. Тем не менее при посещении тюрем она встречала много людей, недавно находившихся под стражей в полиции.

Большинство заключённых, разговаривавших с делегацией, не сообщали о случаях умышленного физического жестокого обращения во время их содержания под стражей в полиции. Однако делегация заслушала ограниченное количество утверждений об избыточном применении силы (таким как удары, причинённые после того, как лицо было взято под контроль, или чрезмерно тесные наручники) в ходе задержания (особенно в городах Брюсселе, Шарлеруа и Марсинеле). Как часто признавал ЕКПП, задержание подозреваемого иногда составляет неоспоримо трудную и опасную задачу, в частности, когда заинтересованное лицо сопротивляется или сотрудники правоохранительных органов имеют достаточные основания полагать, что лицо представляет непосредственную угрозу. Тем не менее ЕКПП рекомендует, чтобы сотрудникам полиции напоминали, что при задержании применение силы должно сводиться к строго необходимому, кроме того, не может быть оправдания для применения побоев к задержанным, когда они взяты под контроль...».

С. ЕВРОПЕЙСКИЙ КОДЕКС ПОЛИЦЕЙСКОЙ ЭТИКИ

50. В своей Рекомендации Rec(2001)10 о Европейском кодексе полицейской этики, принятой

19 сентября 2001 г., Комитет министров отметил свое убеждение в том, что «доверие населения к полиции тесно связано с позицией и поведением полиции по отношению к этому населению и в особенности с соблюдением полицией человеческого достоинства и основных свобод и прав человека в том виде, в каком они, в частности, закреплены в Европейской конвенции о правах человека». Он рекомендовал властям государств-членов руководствоваться в своем внутригосударственном законодательстве и практике, а также в кодексах поведения для полиции принципами, изложенными в Европейском кодексе полицейской этики, приведенном в приложении к настоящей рекомендации, с целью обеспечения постепенного введения их в практику и возможно более широкого их распространения.

51. Кодекс указывает, в частности, что одной из основных целей полиции в демократическом обществе, регулируемом принципом верховенства права, являются защита и соблюдение основных прав и свобод человека в том виде, в котором они закреплены, в частности, в Европейской конвенции о правах человека (§ 1). В разделе «Руководящие принципы деятельности/операций полиции» он предусматривает, что «полиция не должна ни при каких обстоятельствах осуществлять, поощрять или допускать никаких пыток, никаких случаев бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания» (§ 36) и что она «может применять силу только в случаях абсолютной необходимости и только для достижения законных целей» (§ 37). Кроме того, «при выполнении своих функций полиция всегда должна помнить об основных правах каждого человека» (§ 43), и «сотрудники полиции должны действовать честно и уважительно по отношению к населению, особо учитывая ситуацию лиц, относящихся к наиболее уязвимым группам» (§ 44).

D. УЯЗВИМОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

52. Преамбула к международной Конвенции о правах ребенка («ребенком» статья 1 признает каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее») от 20 ноября 1989 г. (ратифицированной Бельгией) ссылается на вышеупомянутые декларации и подчеркивает, что необходимость в особой защите ребенка была предусмотрена во Всеобщей декларации прав человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах (в частности, в статьях 23 и 24), в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (в частности, в статье 10), а также в уставах и соответствующих документах специализированных учреждений и международных организаций, занимающихся вопросами благополучия детей.

53. Еще несколько последующих международных и региональных документов основаны на признании необходимости учета уязвимости несовершеннолетних. Например, преамбула к Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 г. (ратифицированной Бельгией) указывает, что «каждый ребенок имеет право на такие меры защиты со стороны его или ее семьи, общества и государства, которые необходимы в силу его или ее положения как несовершеннолетнего», «ребенок» определяется как любое лицо в возрасте до 18 лет (пункт «а» статьи 3). Можно также сослаться на Рекомендацию CM/Rec(2008)11 о Европейских правилах для несовершеннолетних правонарушителей, по отношению к которым применены санкции или ограничительные меры уголовно-правового характера, и Рекомендацию CM/Rec(2009)10 о комплексной национальной стратегии защиты детей от насилия, принятые Комитетом министров Совета Европы от 5 ноября 2008 г. и 18 ноября 2009 г. соответственно. В последнем документе подчеркивается, что «слабость и уязвимость детей, а также их зависимость от взрослых в отношении физического и личностного развития требуют большего инвестирования в осуществление мер в области предупреждения насилия и защиты детей со стороны семьи, общества и государства». В первой из указанных рекомендаций подчеркивается крайняя беззащитность несовершеннолетних лиц, приговоренных к лишению свободы (приложение к рекомендации, § 52.1). Совсем недавно ЕКПП обратил внимание на особую уязвимость несовершеннолетних в контексте лишения свободы (24-й общий доклад ЕКПП, 2013–2014, январь 2015 года, «Несовершеннолетние, лишённые свободы в соответствии с уголовным законодательством», §§ 3, 98 и 99).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

54. Заявители утверждали, что сотрудники полиции дали им пощечины, когда они находились в Сен-Жосс-тен-Нодеском отделе полиции. Они считали себя жертвами унижающего достоинство обращения. Они также жаловались на то, что расследование по их жалобам являлось неэффективным, неполным, предвзятым и чрезмерно длительным. Заявители ссылались на статью 3, пункт 1 статьи 6 и статью 13 Конвенции, из которых первая предусматривает:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

55. Напоминая, что Европейский Суд имеет право давать собственную правовую квалификацию фактам дела, и решив, что жалобы имеют те же основания, Палата Европейского Суда нашла необходимым рассмотреть жалобы заявителя только в соответствии со статьей 3 Конвенции. Большая Палата согласна с этим подходом. Она будет действовать соответственно.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

56. В своем постановлении Палата сослалась на принципы, вытекающие из прецедентной практики Европейского Суда согласно статье 3 Конвенции. Она, в частности, сослалась на тот принцип, что, если рассматриваемые события в целом или в большей степени относятся к сфере исключительной компетенции властей, как в случае с лицами, находящимися под контролем властей под стражей, возникают обоснованные презумпции фактов в отношении травм, полученных во время содержания под стражей. В этом случае на властях лежит бремя доказывания с целью предоставить достаточное и убедительное объяснение путем представления доказательств, подтверждающих факты, ставящие под сомнение описание событий, данное потерпевшим. Палата Европейского Суда также сослалась на тот принцип, что в отношении лиц, лишенных свободы или в целом столкнувшихся с сотрудниками правоохранительных органов, применение физической силы, которое не было строго обязательно вследствие их собственного поведения, умаляет человеческое достоинство и в принципе представляет собой нарушение прав, предусмотренных статьей 3 Конвенции. Она также сослалась, что для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня суровости. Кроме того, некоторые формы насилия, хотя и могут быть осуждены по моральным основаниям, а также очень широко в соответствии с внутригосударственным законодательством государств-участников, не относятся к сфере действия статьи 3 Конвенции. Палата Европейского Суда также отметила, что власти Бельгии оспаривали, что сотрудники полиции дали заявителям пощечины, и утверждали, что предоставленные медицинские справки не установили, что зафиксированные травмы были причинены такими пощечинами. Тем не менее она сочла бессмысленным разрешать вопрос о правдивости утверждений заявителей, полагая, что, даже если предположить, что они будут доказаны, обжалуемые заявителями действия при обстоятельствах дела не составят обращение, нарушающее статью 3 Конвенции. Палата Европейского Суда заключила следующее (§ 51):

«Даже если предположить, что пощечины имели место, в обоих случаях это было единичное

действие, необдуманно совершенное сотрудником полиции, который был раздражен неуважительным или провокационным поведением заявителей, в отсутствие попытки заставить их признаться. Кроме того, по-видимому, возникла враждебная атмосфера между членами семьи заявителей и сотрудниками полиции в данном районе. При таких обстоятельствах даже при том, что одному из заявителей было в то время всего 17 лет, и в то время как понятно, что, если события действительно разворачивались так, как описывают заявителя, они должны ощущать глубокое негодование, Европейский Суд не может пренебречь тем фактом, что это были разовые случаи в нервной ситуации и при отсутствии серьезных или долгосрочных последствий. Он приходит к выводу о том, что действия подобного рода, хотя и неприемлемые, не могут рассматриваться как порождающие достаточную степень унижения или оскорбления для установления нарушения статьи 3 Конвенции. Иными словами, в любом случае вышеупомянутый порог суровости в настоящем деле не был достигнут, чтобы мог возникнуть вопрос о нарушении указанного положения Конвенции в материально-правовом или процессуальном аспекте».

В. ДОВОДЫ СТОРОН В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Заявители

57. Что касается материально-правового аспекта статьи 3 Конвенции, заявители жаловались на то, что Палата Европейского Суда отошла от принципов, установленных Большой Палатой. Они утверждали, что Палата не применила принцип презумпции причинной связи и суровости, используемый в делах о насилии против лиц, лишенных свободы или находящихся под контролем полиции. В таких делах имелась презумпция наличия причинной связи между следами от ударов и их нанесением сотрудниками полиции, которое могло быть отклонено разумными объяснениями предполагаемых виновников. В противном случае вступала в силу вторая презумпция при лишении жертвы свободы: поскольку применение физической силы по существу нарушает человеческое достоинство, любое подобное действие презюмируется как серьезное и несовместимое со статьей 3 Конвенции, хотя предполагаемый виновник может опровергнуть эту презумпцию, утверждая, что применение силы было строго необходимым с учетом поведения жертвы. Заявители утверждали, что Европейский Суд мог только рассматривать суровость действия «на субсидиарной основе» при определении того, должно ли оно квалифицироваться как «пытка» или «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение».

58. Заявители подчеркивали, что медицинские справки, составленные вскоре после событий, показывают, что они демонстрировали следы ударов после ухода из отдела полиции. Они делали из

этого вывод, что презумпция наличия причинной связи применима, и отмечали, что власти Бельгии, как и полицейские органы на внутригосударственном уровне, не предоставили объяснений, способных опровергнуть эту презумпцию, ограничившись отрицанием наличия каких-либо пощечин. Кроме того, применение силы против них не было необходимым или пропорциональным. Заявители подчеркивали, что на сотрудниках полиции, давших им пощечину, отсутствовали следы от ударов, они не оказывали активного физического сопротивления, и что полиция и власти Бельгии, всегда отрицая дачу пощечин заявителям, не могли установить, что пощечины были необходимыми, а также что следует учесть контекст полицейского насилия в Бельгии. Кроме того, атмосфера нервозности и неуважения и конфликт между местной полицией и семьей Буидов были недостаточны для установления необходимости применения силы. Первый заявитель добавил, что проверка документов, из-за которой он был остановлен полицией, была неоправданной, поскольку основания для проверки были неясными. Он отметил также, что его куртка была порвана во время происшествия и что он был намного более хрупкого телосложения, чем сотрудник полиции, который дал ему пощечину его. Первый заявитель также указал, что он был несовершеннолетним в период, относящийся к обстоятельствам дела, и что пощечина привела его в состояние шока, что его чувство страха и стресс усиливались тем фактом, что за четыре года до этого у него случилась перфорация барабанной перепонки в результате удара со стороны сотрудника полиции и что он столкнулся с заговором молчания и корпоративным духом полиции. Второй заявитель добавил, что он сидел, не представляя непосредственной угрозы, когда ему дали пощечину.

59. Заявители утверждали, что полицейское насилие было широко распространено в Бельгии: пресса сообщала о многих подобных случаях, и в своем годовом докладе за 2012 год постоянный комитет по надзору за полицейскими службами («Комитет Р») отметил рост количества жалоб на полицейское насилие (468 в 2010 году и 576 в 2012 году). Кроме того, в своем докладе о посещении Бельгии с 18 по 27 апреля 2005 г. ЕКПП подчеркнул, что «угроза жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов во время содержания под стражей не может быть исключена» (СРТ/Inf(2006)15, 20 апреля 2006 г., § 11). Кроме того, в своих окончательных комментариях по поводу Третьего периодического доклада по Бельгии Комитет ООН против пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство видов обращения с озабоченностью отметил постоянные утверждения о незаконном применении насилия должностными лицами правоохранительных органов и рекомендовал провести «тщательные, независимые и беспристрастные» расследования

(28 октября – 22 ноября 2013, САТ/С/BEL/СО/3, § 13). Заявители также утверждали, что четыре жалобы на полицейское насилие подавались каждую неделю на веб-сайте обсерватории полицейского насилия, созданной франкоязычной секцией Бельгийской лиги прав человека (OBSPOL). У них также создалось впечатление, что сотрудники полиции систематически подавали жалобу, как только жалоба подавалась на них, и что даже когда дела поступали в суд, решение откладывалось чаще, чем в среднем. Это вызывало у общественности ощущение, что существовала атмосфера безнаказанности, и многие жертвы не высказывали намерения подавать жалобы.

60. Что касается процессуального аспекта статьи 3 Конвенции, заявители считали, что проводившееся по их делу следствие не отвечало требованиям прецедентной практики Европейского Суда.

61. Во-первых, они утверждали, что расследование было основано прежде всего на наблюдениях за поведением семьи, составлении документов по отчетам, подготовленным отделом полиции, в котором работали сотрудники, на которых жаловались заявители. Тот факт, что итоговый отчет подробно описывал жалобы, поданные членами их семьи против сотрудников полиции из этого отдела, и в нем указывалось, что по ним не принимались никакие меры, но не содержал информации о протоколах, составленных сотрудниками полиции в отношении членов их семьи, в большинстве которых дело отсутствовало или разбирательство было прекращено, свидетельствовал, что расследование проводилось с целью оправдания сотрудников полиции. Заявители также отмечали, что расследование не выяснило обстоятельств, сопровождавших полицейское вмешательство.

62. Во-вторых, они отмечали, что имели место серьезные недостатки в расследовании: вопреки указаниям следственного судьи заявители ни на одной стадии не были допрошены следователями; дело о происшествии с царапинами на автомобиле, принадлежавшем сотруднику отдела полиции, в 1999 году не было полностью включено в материалы дела; следственный судья не был информирован о действиях, предпринятых по разным делам против членов семьи Буидов (некоторые из дел, упоминавшихся в итоговом отчете, в действительности не существовали или являлись делами, в которых, как они утверждали, они являлись потерпевшими). Заявители подчеркивали, что, когда они заметили эти недостатки, они обратились к следственному судье для проведения 20 дополнительных следственных мер, из которых были приняты только две: включение электронной почты в материалы дела и допрос сотрудника полиции, которого первый заявитель, как утверждалось, оскорбил 8 декабря 2003 г. (кроме того, заявители не имели доступа к этим доказательствам).

63. В-третьих, правовые нормы о допросе несовершеннолетних жертв преступления не были соблюдены (они ссылались на статьи 91 *bis* и 92 Уголовно-процессуального кодекса, которые давали право таким лицам на сопровождение взрослыми на допросе судебными органами и разрешали запись допроса).

64. В-четвертых, следственный судья мог по своей инициативе потребовать принятия следующих следственных мер: проведение допроса друга первого заявителя, который был с ним, когда его остановили и допросили, приобщить к материалам дела записи камер на входе и выходе из отдела полиции, назначить вторую медицинскую экспертизу и организовать проведение очной ставки.

65. Таким образом, заявители утверждали, что на основе неэффективного расследования, проводившегося с целью оправдания данных сотрудников полиции, следственные органы решили, что преступления этими сотрудниками не совершались и отсутствуют основания для их преследования.

2. Власти Бельгии

66. Власти Бельгии указали, что согласны с анализом заявителей в том отношении, что, если лицо содержалось под стражей в полиции в период, относящийся к обстоятельствам дела, существовала презумпция наличия причинной связи между травмами и их нанесением сотрудниками полиции, и эта презумпция могла быть опровергнута разумным объяснением. Они также признали, что данное действие презюмируется в качестве серьезного, если заинтересованное лицо находится под стражей, и в этом случае Европейский Суд признает *de facto*¹, что достоинство лица умалено, хотя эта презумпция может быть отклонена, если доказано, что применение силы было строго необходимо с учетом поведения жертвы. Власти Бельгии утверждали, что никогда не намеревались пренебрегать этими презумпциями, но они считали правомерным не ставить под сомнение утверждения данных сотрудников полиции, если тщательное исчерпывающее расследование, проведенное в настоящем деле, не дало результатов, которые разумно могли противоречить этим утверждениям.

67. Власти Бельгии выразили мнение о том, что судебные органы должны были согласовать презумпцию наличия причинной связи с таким же существенным принципом презумпции невиновности затронутых государственных агентов: судебные органы не могли отступить от того принципа, что они могли осудить обвиняемое лицо, только удостоверившись вне всякого разумного сомнения, что оно совершило против заявителя действия, составляющие унижающее достоинство обращение.

68. Власти Бельгии подчеркнули, что в настоящем деле, хотя заявители представили медицинские

справки о травмах, которые могли быть совместимы с событиями, на которые они жаловались, только заявители в своих объяснениях настаивали, что эти травмы являлись следствием пощечин, которые были нанесены обоим заявителям сотрудниками полиции. Кроме того, данные сотрудники всегда категорически отрицали эти действия, и ни одно из доказательств, собранных во время расследования, не противоречило их объяснениям. Власти Бельгии также отмечали, что члены семьи Буидов подали несколько других жалоб против сотрудников их местного отдела полиции, каждый раз на фоне конфронтации с полицией после того, как их останавливали и допрашивали. Они заключили, что с учетом поведения семьи Буидов можно было допустить, что жалобы заявителей были направлены на то, чтобы дискредитировать сотрудников полиции, поскольку никаких ударов не наносилось. На слушании власти Бельгии упомянули версию о том, что заявители сами ударили себя, чтобы возбудить дело против муниципальной полиции, с которой много лет у них были проблемы. По мнению властей Бельгии, конфликты были столь сильными, что подобная ситуация не была невообразимой.

69. Таким образом, в настоящем деле имелось «больше, чем разумное сомнение по поводу установления предполагаемых фактов».

70. Власти Бельгии утверждали, что последнее высказывание не противоречило тому принципу, что, когда лицо лишено свободы или имеет дело с должностными лицами правоохранительных органов, любое использование физической силы, которое не было строго необходимо в связи с собственным поведением лица, умаляло человеческое достоинство и в принципе составляло нарушение статьи 3 Конвенции.

71. Власти Бельгии также отмечали, что заявители имели доступ к эффективному официальному расследованию, которое проанализировало все доступные данные в виде отчетов, протоколов и показаний. Однако они добавили, что расследование не установило, что утверждаемые заявителями факты действительно имели место, и, соответственно, не могли установить одного или нескольких возможных виновных.

72. Наконец, власти Бельгии указали, что они не могут согласиться, что настоящее дело должно служить стандартом в борьбе против полицейского насилия, поскольку факты дела не были разумно установлены.

В. ОБЪЯСНЕНИЯ ТРЕТЬИХ СТОРОН

1. Центр прав человека Гентского университета

73. Эта третья сторона отметила, что, заключив, что порог суровости для применения статьи 3

¹ *De facto* (лат.) – фактически (примеч. переводчика).

Конвенции не достигнут, Палата Европейского Суда приняла во внимание предположительно неуважительное или провокационное поведение заявителей, напряженную атмосферу, преобладавшую между членами семьи заявителей и сотрудниками местной полиции, и тот факт, что пощечины не были направлены на получение признаний и что они не являлись изолированными актами в отсутствие серьезных или долгосрочных последствий. Палата полагала, что с учетом прецедентной практики Европейского Суда первые три из этих четырех факторов были несущественными. Хотя Палата Европейского Суда находила четвертый фактор значимым, она утверждала, что имелся один критерий, которому следовало придать главное значение при определении того, достигнут ли порог суровости в отношении действия, совершенного против лица, лишеного свободы полицией, а именно то, что сотрудники полиции превышали свои полномочия по отношению к лицам, находившимся полностью под их контролем. В таких делах порог суровости должен быть снижен. Со ссылкой на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*) (жалоба № 21986/93, *ECtHR* 2000-VII), Постановление Европейского Суда по делу «Денис Васильев против Российской Федерации» (*Denis Vasilyev v. Russia*) (от 17 декабря 2009 г., жалоба № 32704/04¹), и Постановление Европейского Суда по делу «Валиулене против» (*Valiulienė v. Lithuania*) (от 26 марта 2013 г., жалоба № 33234/07), третья сторона подчеркнула, что Европейский Суд ранее заключал, что лица, содержащиеся под стражей в полиции, находились в уязвимом положении и что статья 3 Конвенции возлагала на государства обязанность защищать физическое благополучие лиц, находящихся в таком положении, и что он учитывал чувство страха и беспомощности у жертвы при оценке того, достигнут ли порог суровости статьи 3 Конвенции. Третья сторона высказала мнение о том, что аналогичный подход тем более применим к несовершеннолетним, лишенным своей свободы, с учетом их особой уязвимости. В этом контексте простая пощечина могла иметь серьезные психологические последствия, несовместимые с требованиями статьи 3 Конвенции, особенно поскольку такая пощечина могла восприниматься как угроза более серьезного насилия в случае отказа от сотрудничества или даже как наказание.

74. Третья сторона пригласила Европейский Суд принять во внимание тот факт, что в своих докладах 2006 и 2010 годов о Бельгии ЕКПП рекомендовал, чтобы власти Бельгии напоминали «сотрудникам полиции... что при задержании применение силы должно сводиться к строго

необходимому; кроме того, не может быть оправдания для применения побоев к задержанным, когда они взяты под контроль» (CPT/Inf(2010)24 и CPT/Inf(2006)15).

75. Затем третья сторона подчеркнула, что в Постановлении Европейского Суда по делу «Давыдов и другие против Украины» (*Davydov and Others v. Ukraine*) (от 1 июля 2010 г., жалоба №№ 17674/02 и 39081/02, § 268) Европейский Суд указал, что статья 3 Конвенции требует от государств готовить должностных лиц правоохранительных органов таким образом, чтобы обеспечить их высокий уровень компетенции в профессиональном поведении, чтобы никто не мог подвергнуться обращению, противоречащему этому положению Конвенции.

76. Наконец, третья сторона отметила тот факт, что применение насилия полицией не было необычным явлением в Бельгии. Как и заявители, она ссылалась на статистику, опубликованную «Комитетом Р» и OBSPOL. Она добавила, что полиция Бельгии была замешана в нескольких делах о полицейском насилии в последние годы и в некоторых отделах полиции Брюссельского региона нанесение пощечин (чтобы оставить как можно меньше следов) признавалось практически рутинной практикой.

2. «РЕДРЕСС»

77. Данная третья сторона подчеркивала, что международное право прав человека допускает применение физической силы должностными лицами правоохранительных органов только в той степени, в которое оно было необходимым и пропорциональным законной цели. Она ссылалась на статью 10 Международного пакта о гражданских и политических правах, Замечание общего порядка № 20 Комитета ООН по правам человека, Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка ООН, Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка ООН, Европейский кодекс полицейской этики (Комитет министров, *Rec(2001)10*) и Европейские пенитенциарные правила (на которые Европейский Суд и ЕКПП ссылаются в своей работе), а также на Руководство по демократическим основам полицейской деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Третья сторона «РЕДРЕСС» извлекла из этих текстов следующие принципы: каждый имеет право не подвергаться пытке, жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство видам обращения и наказания, поскольку Свод принципов ООН защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, указал, что эти условия должны толковаться таким образом, чтобы расширить насколько возможно защиту от злоупо-

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 2 (примеч. редактора).

треблений, прежде всего должны быть испробованы ненасильственные средства, сила должна применяться, только когда это строго необходимо и исключительно для законных правоохранительных целей. Далее в своих отношениях с лицами, содержащимися под стражей, должностные лица правоохранительных органов не должны применять силу, за исключением случаев, когда это строго необходимо для поддержания безопасности и порядка в учреждении или когда затронута личная безопасность, для незаконного применения силы исключения или оправдания не допускаются, применение силы всегда должно быть пропорционально законным целям, применение силы должно быть сдержанным, ущерб и травмирование должны быть сведены к минимуму, должны быть доступны средства дифференцированного применения силы. Кроме того, все должностные лица правоохранительных органов должны пройти подготовку для использования различных средств дифференцированного применения силы, и все сотрудники должны пройти подготовку для применения ненасильственных средств.

78. Третья сторона «РЕДРЕСС» утверждала, что установленный Европейским Судом принцип о том, что любое применение силы представителем государства против лица, лишённого свободы, которое не было строго необходимо из-за поведения данного лица, умаляло человеческое достоинство и в принципе являлось нарушением права, предусмотренного статьей 3 Конвенции, был также закреплен в прецедентной практике Межамериканского суда по правам человека (она сослалась на Решение от 17 сентября 1997 г. по делу «Лоайса Тамайо против Перу» (*Loayza Tamayo v. Peru*), § 57). Кроме того, Европейский Суд отметил, что, если отсутствие такой строгой необходимости было установлено, не было необходимости оценивать суровость причиненных страданий для установления нарушения статьи 3 Конвенции (она сослалась на Постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства» (*Keenan v. United Kingdom*), жалоба № 27229/95, § 113, *ECHR* 2001-III). Если такая необходимость была установлена, то должны быть приняты во внимание все существенные факторы, включая длительность обращения, его физические и/или психические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы, а также ее особая уязвимость, а также что содержащиеся под стражей лица были уязвимы, поскольку они находились под абсолютным контролем полиции или тюремного персонала. Третья сторона добавила, что в решении от 2 июня 2010 г. (жалоба № 543/2010) Верховный суд Испании, приняв во внимание эту уязвимость, указал, что пощечина, нанесенная сотрудником полиции к заключенному, была унижающим и оскорбляющим обращением, несмотря на отсутствие видимой травмы.

Подобный подход был также принят предыдущим специальным докладчиком по поощрению и защите прав человека в ходе борьбы с терроризмом, ЕКПП и Комитетом ООН по правам человека.

79. Третья сторона «РЕДРЕСС» подчеркивала, что дети, содержащиеся под стражей, вдвойне уязвимы, как отмечал специальный докладчик ООН по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Со ссылкой на Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, и работу Комитета ООН по правам ребенка, третья сторона добавляла, что установлено, что применение силы против детей запрещено за исключением весьма ограниченного количества целей. Это относится ко всем формам насилия, включая нефизическое и неумышленное насилие любой частоты и суровости и даже в отсутствие намерения причинить вред. Как и ЕКПП в своем Девятом общем докладе, она осудила, в частности, «педагогическое применение силы» (особенно «педагогические шлепки»), которые состояли в применении силы в ответ на отказ от сотрудничества или плохое поведение, в то время как ЕКПП также отметил, что отделы полиции являлись местами, где молодежь подвергалась наивысшей угрозе умышленного жестокого обращения.

80. Наконец, третья сторона подчеркнула, что национальные правовые системы отражали международные и региональные стандарты. Запрет применения силы за исключением строго необходимого закреплен также в Соединенном Королевстве, Швеции, Австралии, Канаде и США.

С. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Материально-правовой аспект жалобы

(а) Общие принципы

81. Статья 3 Конвенции закрепляет одну из наиболее фундаментальных ценностей демократических обществ (см. в числе других примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Селмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба № 25803/94, § 95, *ECHR* 1999-V, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, § 119, *ECHR* 2000-IV, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гэфген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, § 87, *ECHR* 2010, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии» (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 39630/09, § 195, *ECHR* 2012, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мокану и другие против Румы-

нии» (*Mocanu and Others v. Romania*), жалобы №№ 10865/09, 45886/07 и 32431/08, § 315, *ECHR* 2014 (извлечения)). Действительно, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания является ценностью цивилизации, тесно связанной с уважением человеческого достоинства.

В отличие от большинства материально-правовых статей Конвенции статья 3 Конвенции не содержит исключений, и недопустимо отступление от ее положений в соответствии с пунктом 2 статьи 15 Конвенции даже в случае чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации (там же). Даже при наиболее сложных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция абсолютно исключает пытку и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание, независимо от поведения потерпевшего (см. Постановление Европейского Суда от 15 ноября 1996 г. по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. United Kingdom*), § 79, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-V, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии» и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии»; см. также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Грузия против Российской Федерации (I)» (*Georgia v. Russia*) (I), жалоба № 13255/07¹, § 192, *ECHR* 2014 (извлечения), и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*), жалобы №№ 32541/08 и 43441/08², § 113, *ECHR* 2014 (извлечения)).

82. Утверждения о жестоком обращении должны быть подкреплены соответствующими доказательствами. При оценке доказательств Европейский Суд обычно применяет стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения», однако учитывает, что подобное доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или аналогичных неопровергнутых презумпций фактов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*) от 18 января 1978 г., § 161, *in fine*³, Series A, № 25, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», § 121, Постановление Большой Палаты Европейского

Суда «Яллох против Германии» (*Jalloh v. Germany*), жалоба № 54810/00, § 67, *ECHR* 2006-IX, Постановление Большой Палаты Европейского Суда «Рамирес Санчес против Франции» (*Ramirez Sanchez v. France*), жалоба № 59450/00, § 117, *ECHR* 2006-IX, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии», § 92).

83. По этому последнему пункту Европейский Суд разъяснял, что, если рассматриваемые события в целом или в большей степени относятся к сфере исключительной компетенции властей, как в случае с лицами, находящимися под контролем властей под стражей, возникают обоснованные презумпции фактов в отношении травм, полученных во время содержания под стражей. В этом случае на властях лежит бремя доказывания с целью предоставить достаточное и убедительное объяснение путем представления доказательств, подтверждающих факты, ставящие под сомнение описание событий, данное потерпевшим (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции», § 100, Постановление Европейского Суда по делу «Ривас против Франции» (*Rivas v. France*) от 1 апреля 2004 г., жалоба № 59584/00, § 38, а также среди других примеров Постановление Европейского Суда по делу «Туран Чакыр против Бельгии» (*Turan Çakır v. Belgium*) от 10 марта 2009 г., жалоба № 44256/06, § 54, Постановление Европейского Суда по делу «Мете и другие против Турции» (*Mete and Others v. Turkey*) от 4 октября 2012 г., жалоба № 294/08, § 112, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии», § 92, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии», § 152). В отсутствие такого объяснения Европейский Суд вправе сделать выводы, которые могут быть неблагоприятными для властей (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии», § 152). Это оправдывается тем фактом, что задержанные лица находятся в уязвимом положении и власти обязаны защищать их (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции», § 99).

84. Палата Европейского Суда установила в настоящем деле, что тот же принцип верен в контексте проверки документов в отделе полиции (как в деле первого заявителя) или просто допроса в его помещении (как в деле второго заявителя). Большая Палата Европейского Суда соглашается с этим, подчеркивая, что принцип, установленный в § 83 настоящего Постановления, применяет-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 12 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11 (примеч. редактора).

³ *In fine* (лат.) – в конце (примеч. переводчика).

ся ко всем делам, в которых лицо находится под контролем полиции или подобного органа.

85. Европейский Суд также подчеркнул в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии» (упоминавшееся выше, § 155), что, хотя он признал, что должен проявлять осторожность в принятии на себя роли суда первой инстанции, рассматривающего факты, где это не является неизбежным согласно обстоятельствам конкретного дела (см. Решение Европейского Суда по делу «Маккёрр против Соединенного Королевства» (*McKerr v. United Kingdom*) от 4 апреля 2000 г., жалоба № 28883/95), однако когда заявитель ссылается на статью 3 Конвенции, Европейский Суд обязан осуществлять «особенно тщательную проверку» (см. *mutatis mutandis*¹ Постановление Европейского Суда по делу «Рибич против Австрии» (*Ribitsch v. Austria*) от 4 декабря 1995 г., § 3, Series A, № 336), и Постановление Европейского Суда по делу «Георгий Быков против Российской Федерации» (*Georgiy Bykov v. Russia*) от 14 октября 2010 г., жалоба № 24271/03², § 51), даже если внутригосударственное разбирательство и расследование уже имели место (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кобзару против Румынии» (*Cobzaru v. Romania*) от 26 июля 2007 г., жалоба № 48254/99, § 65). Иными словами, в этом контексте Европейский Суд может быть более критичным к выводам внутригосударственных судов. При рассмотрении подобных вопросов Европейский Суд может принимать во внимание качество разбирательства на внутригосударственном уровне и возможные недостатки процесса принятия решения (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Денисенко и Богданчиков против Российской Федерации» (*Denisenko and Bogdanchikov v. Russia*) от 12 февраля 2009 г., жалоба № 3811/02³, § 83).

86. Для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня суровости. Оценка этого минимума носит относительный характер и зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер и контекст обращения или наказания, манера и метод его применения, его длительность, физические и психологические последствия и в некоторых случаях пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства», § 162, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген

против Германии», § 88, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии», § 196, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации», § 114). Другие факторы включают цель, для которой осуществлялось жестокое обращение, умысел или мотив, стоящие за ним (см. для сравнения, в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Аксой против Турции» (*Aksoy v. Turkey*) от 18 декабря 1996 г., § 64, *Reports* 1996-VI, Постановление Европейского Суда по делу «Эгмез против Кипра» (*Egmez v. Cyprus*), жалоба № 30873/96, § 78, *ECHR* 2000-XII, и Постановление Европейского Суда по делу «Крастанов против Болгарии» (*Krastanov v. Bulgaria*) от 30 сентября 2004 г., жалоба № 50222/99, § 53, см. также среди других примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии», § 88, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии», § 196), хотя отсутствие намерения унижить или оскорбить жертву не может полностью исключать установление нарушения статьи 3 Конвенции (см. среди других примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «V. против Соединенного Королевства» (*V. v. United Kingdom*), жалоба № 24888/94, § 71, *ECHR* 1999-IX, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации», § 114). Должен также учитываться контекст, в котором осуществлялось жестокое обращение, такой как атмосфера повышенной напряженности и эмоций (см. для сравнения, например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции», § 104, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эгмез против Кипра», § 78, см. также среди других примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии», § 88).

87. Жестокое обращение, которое достигает такого минимального уровня суровости, обычно включает в себя реальные телесные повреждения или интенсивные физические или нравственные страдания. Тем не менее даже в отсутствие этого, если обращение унижает или оскорбляет лицо, свидетельствуя о неуважении или умалении человеческого достоинства, или вызывает чувства страха, тоски или неполноценности, способные повредить моральному или физическому сопротивлению лица, оно может характеризоваться как унижающее человеческое достоинство и подпадать под действие статьи 3 Конвенции (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Васюков против Российской Федерации»

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими изменениями (примеч. переводчика).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 8 (примеч. редактора).

³ См.: там же. 2012. № 8 (примеч. редактора).

(Vasyukov v. Russia) от 5 апреля 2011 г., жалоба № 2974/051, § 59, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии», § 89, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации», § 114, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Грузия против Российской Федерации (I)», § 192). Следует также подчеркнуть, что может быть достаточным унижение жертвы в его собственных глазах, даже если не в глазах других (см. среди других примеров Постановление Европейского Суда по делу «Тайрер против Соединенного Королевства» (Tyrrer v. United Kingdom) от 25 апреля 1978 г., § 32, Series A, № 262, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» (M.S.S. v. Belgium and Greece), жалоба № 30696/09, § 220, ECHR 2011).

88. Кроме того, с учетом фактов дела Европейский Суд считает особенно важным подчеркнуть, что в отношении лица, лишённого свободы, любое использование силы, которое не является строго необходимым в связи с его поведением, умаляет человеческое достоинство и в принципе нарушает право, гарантированное статьей 3 Конвенции (см. среди других примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Рибич против Австрии», § 38, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мете и другие против Турции», § 106, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии», § 207).

89. Слово «достоинство» используется во многих международных и региональных материалах и инструментах (см. §§ 45–47 настоящего Постановления). Хотя Конвенция не упоминает это понятие, которое, тем не менее, появляется в преамбуле к Протоколу № 13 к Конвенции в связи с отменой смертной казни при всех обстоятельствах, Европейский Суд подчеркивает, что уважение человеческого достоинства образует часть самого существа Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации», § 118) совместно со свободой человека (см. Постановление Европейского Суда по делу «C.R. против Соединенного Королевства» (C.R. v. United Kingdom) от 22 ноября 1995 г., § 42, Series A, № 335-C, и Постановление Европейского Суда по делу «S.W. против Соединенного Королевства» (S.W. v. United Kingdom) от 22 ноября

1995 г., § 44, Series A, № 335-B, а также среди других примеров Постановление Европейского Суда по делу «Притти против Соединенного Королевства» (Pretty v. United Kingdom), жалоба № 2346/02, § 65, ECHR 2002-III).

90. Кроме того, существует особенно прочная связь между понятиями «унижающего достоинство» обращения или наказания в значении статьи 3 Конвенции и уважения «достоинства». В 1973 году Европейская комиссия по правам человека подчеркивала, что в контексте статьи 3 Конвенции выражение «унижающее достоинство обращение» показывает, что общая цель этого положения заключается в том, чтобы воспрепятствовать особенно серьезным вмешательствам в человеческое достоинство (см. Доклад Комиссии от 14 декабря 1973 г. по делу «Восточноафриканские азиаты против Соединенного Королевства» (East African Asians v. United Kingdom), жалобы №№ 4403/70–4419/70, 4422/70, 4423/70, 4434/70, 4443/70, 4476/70–4478/70, 4486/70, 4501/70, 4526/70–4530/70, Decisions and Reports 78-A, § 192). Европейский Суд со своей стороны дал первую прямую ссылку на это понятие в Постановлении по делу Тайрера (упоминавшемся выше) относительно не «унижающего достоинство обращения», а «унижающего достоинство наказания». Установив, что данное наказание было унижающим достоинство в значении статьи 3 Конвенции, Европейский Суд учел тот факт, что, «хотя заявитель не перенес серьезные или длительные физические последствия, его наказание, объектом которого он являлся, составляло посягательство именно на то, что является одной из основных целей защиты статьи 3 Конвенции, а именно достоинство и физическую неприкосновенность лица» (§ 33). Многие последующие решения выявили тесную связь между понятиями «унижающего достоинство обращения» и уважения «достоинства» (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда «Кудла против Польши» (Kudła v. Poland), жалоба № 30210/96, § 94, ECHR 2000-XI, Постановление Европейского Суда по делу «Валашинас против Литвы» (Valašinas v. Lithuania), жалоба № 44558/98, § 102, ECHR 2001-VIII, Постановление Европейского Суда по делу «Янков против Болгарии» (Yankov v. Bulgaria), жалоба № 39084/97, § 114, ECHR 2003-XII (извлечения), и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации», § 138).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(i) Установление фактов

91. Власти Бельгии не оспаривали вышеупомянутый принцип о том, что, если лицо демонстрирует следы ударов после того, как оно побывало

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 5 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (примеч. редактора).

под контролем полиции, и жалуется, что эти следы явились следствием жестокого обращения, возникает опровержимая презумпция относительно обстоятельств дела (см. §§ 83–84 настоящего Постановления). Власти Бельгии также признавали, что данный принцип применим в настоящем деле. Однако они отмечали, что медицинские справки, предоставленные заявителями, не установили ни то, что указанные травмы возникли в результате пощечины, ни то, что последний был сделан сотрудниками полиции, особенно поскольку данные сотрудники полиции всегда отрицали такие действия. Власти Бельгии добавили, что ни одно из доказательств, собранных во время расследования, не противоречило их отрицанию.

92. Европейский Суд отмечает, что для того, чтобы воспользоваться данной презумпцией, лица, утверждающие, что они являются жертвами нарушения статьи 3 Конвенции, должны доказать, что они демонстрировали следы жестокого обращения после пребывания под контролем полиции или подобного органа. Многие дела, которые рассматривал Европейский Суд, показывают, что такие лица обычно предоставляют для этой цели медицинские справки, описывающие травмы или следы ударов, которым Европейский Суд придает существенное доказательное значение.

93. Европейский Суд также отмечает, что медицинские справки, предоставленные в настоящем деле, подлинность которых не оспаривается, упоминают в деле первого заявителя его «состояние шока», «покраснение на левой щеке (исчезающее)» и «покраснение на левой стороне внешнего слухового канала» (см. § 12 настоящего Постановления), а в деле второго заявителя – «кровоподтек [на] левой щеке» (см. § 16 настоящего Постановления). Таковы возможные последствия причинения пощечин.

94. Европейский Суд также отмечает, что справки были выданы в день событий, вскоре после того, как заявители покинули Сен-Жосс-тен-Нодеский отдел полиции, что усиливает их доказательную ценность. Справка в отношении первого заявителя была выдана 8 декабря 2003 г., в 19.20, а первый заявитель находился в отделе полиции с 16.00 по 17.30 (см. §§ 12 и 14 настоящего Постановления). Справка относительно второго заявителя датируется 23 февраля 2004 г. и составлена до 11.20, когда она была представлена в «Комитет Р» (см. § 25 настоящего Постановления), а второй заявитель находился в отделе полиции с 9.44 по 10.20 (см. §§ 15 и 16 настоящего Постановления).

95. Европейский Суд учитывает, что не оспаривалось, что у заявителей не было таких травм при поступлении в Сен-Жосс-тен-Нодеский отдел полиции.

96. Наконец, на всем протяжении внутригосударственного разбирательства сотрудники полиции последовательно отрицали, что заявители

получили пощечины. Однако заявители столь же последовательно утверждали противоположное. Кроме того, с учетом крупных недостатков в расследовании (см. §§ 124–134 настоящего Постановления) невозможно заключить, что объяснения сотрудников были точны только на основании того факта, что расследование не представило доказательств обратного.

97. Что касается версии, упомянутой властями Бельгии на слушании, о том, что заявители сами себя били по лицам, чтобы возбудить дело против полиции (см. § 68 настоящего Постановления), Европейский Суд отметил, что отсутствуют подкрепляющие ее доказательства. Кроме того, с учетом данных, предоставленных сторонами, эта версия, по-видимому, не упоминалась во внутригосударственных судах.

98. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд находит достаточно установленным, что кровоподтек, описанный в справках, предоставленных заявителями, возник, когда они находились под полицейским контролем в отделе полиции в Сен-Жосс-тен-Нодде. Он также учитывает, что власти Бельгии не смогли представить доказательства, способных поставить под сомнение объяснения заявителей о том, что кровоподтек возник из-за пощечины сотрудника полиции. Европейский Суд, следовательно, считает этот факт доказанным.

99. Остается определить, оправданно ли заявители утверждали, что обжалуемое ими обращение нарушало статью 3 Конвенции.

(ii) Квалификация обращения с заявителями

100. Как ранее подчеркивал Европейский Суд (см. § 88 настоящего Постановления), в отношении лица, лишённого свободы, или в целом столкнувшегося с сотрудниками правоохранительных органов, любое использование силы, которое не является строго необходимым в связи с его поведением, умаляет человеческое достоинство и в принципе нарушает право, гарантированное статьей 3 Конвенции.

101. Европейский Суд подчеркивает, что слова «в принципе» не могут восприниматься как означающие, что могут быть ситуации, в которых установление нарушения не требуется, поскольку не достигнут вышеупомянутый порог суровости (см. §§ 86–87 настоящего Постановления). Любое вмешательство в человеческое достоинство наносит удар по самому существу Конвенции (см. § 89 настоящего Постановления). По этой причине любое поведение сотрудников правоохранительных органов по отношению к лицу, умаляющее человеческое достоинство, составляет нарушение требований статьи 3 Конвенции. Это применимо, в частности, к использованию ими физической силы

против лица, которое не является строго необходимым в силу его поведения, независимо от последствий для данного лица.

102. В настоящем деле власти Бельгии не утверждали, что пощечины, на которые жаловались два заявителя, составляли использование физической силы, которое не было строго необходимым в силу их поведения, они просто отрицали, что пощечины когда-либо наносились. Действительно из материалов дела следует, что каждая пощечина являлась импульсивным актом в ответ на поведение, воспринимавшееся как неуважительное, что, безусловно, было недостаточно для установления такой необходимости. Соответственно, Европейский Суд считает, что достоинство заявителей было умалено и было допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции.

103. В любом случае Европейский Суд подчеркивает, что пощечина, нанесенная сотрудником правоохранительных органов, человеку, который полностью находился под его контролем, составляет серьезное посягательство на достоинство лица.

104. Пощечина оказала значительное воздействие на получившего ее человека. Пощечина затрагивает часть тела человека, которая выражает его индивидуальность, проявляет его социальную идентичность и составляет центр его чувств, зрения, речи и слуха, которые используются для коммуникации с другими. Действительно, Европейский Суд уже имел случай отметить роль, которую играет лицо в социальном взаимодействии (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции» (*S.A.S. v. France*) (по поводу запрета ношения одежды, направленной на сокрытие лица в общественных местах), жалоба № 43835/11, §§ 122 и 141, *ECHR* 2014 (извлечения)). Он также учитывал специфику этой части тела в контексте статьи 3 Конвенции, указав, что «особенно из-за ее расположения» удар по голове человека во время задержания, повлекший припухлость и кровоподтек размером 2 см на лбу, был достаточно серьезным, чтобы возник вопрос в соответствии со статьей 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Самют Карабулут против Турции» (*Samüt Karabulut v. Turkey*) от 27 января 2009 г., жалоба № 16999/04, §§ 41 и 58).

105. Европейский Суд напоминает, что может быть достаточно, чтобы жертва была унижена в ее собственных глазах, для возникновения унижающего достоинства обращения в значении статьи 3 Конвенции (см. § 87 настоящего Постановления). Вместе с тем он не сомневается, что даже одну непредумышленную пощечину без серьезных или долгосрочных последствий для человека этот человек может считать унижающей.

106. Это особенно верно, когда пощечина наносится сотрудниками правоохранительных органов людям, находящимся под их контролем, поскольку

в ней проявляются превосходство и унижение, которые по определению характеризуют отношения между первыми и последними при таких обстоятельствах. Тот факт, что жертвы знают, что подобное действие является незаконным, составляет нарушение морали и профессиональной этики этими сотрудниками и, как Палата Европейского Суда правомерно подчеркнула в своем постановлении, также является неприемлемым, может, кроме того, вызывать у них чувство произвольного обращения, несправедливости и беспомощности (для рассмотрения этого вида чувств в контексте статьи 3 Конвенции см., например, Постановление Европейского Суда от 7 января 2010 г. по делу «Петьо Петков против Болгарии» (*Petyo Petkov v. Bulgaria*), жалоба № 32130/03, §§ 42 и 47).

107. Более того, лица, которые содержатся под стражей в полиции или даже просто доставлены или вызваны в отдел полиции для установления личности или допроса, как в деле заявителей, и в более широком смысле все лица, находящиеся под контролем полиции или аналогичного органа, находятся в ситуации уязвимости. Следовательно, у властей есть обязанность защищать их (см. §§ 83–84 настоящего Постановления). При причинении унижения путем причинения пощечин одним из их сотрудников полиции они пренебрегают этой обязанностью.

108. Тот факт, что пощечина могла быть бездумно нанесена сотрудником, который был раздражен неуважительным или провокационным поведением, в данном случае не имеет значения. Исходя из этого Большая Палата Европейского Суда отступает от подхода Палаты в данном отношении. Как ранее подчеркивал Европейский Суд, даже при наиболее сложных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция абсолютно исключает пытку и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание независимо от поведения потерпевшего (см. § 81 настоящего Постановления). В демократическом обществе жестокое обращение никогда не служит адекватной реакцией на проблемы, с которыми сталкиваются власти. Конкретнее: полиция «не должна ни при каких обстоятельствах осуществлять, поощрять или допускать никаких пыток, никаких случаев бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания» (Европейский кодекс полицейской этики, § 36, см. § 51 настоящего Постановления). Кроме того, статья 3 Конвенции устанавливает позитивное обязательство государства осуществлять подготовку должностных лиц своих правоохранительных органов таким образом, чтобы обеспечивать их высокий уровень компетентности в своем профессиональном поведении, чтобы никто не подвергался пытке или обращению, которое противоречит этому положению (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Давыдов и другие против Украины», § 268).

109. Наконец, Европейский Суд отмечает в качестве второстепенного соображения, что первый заявитель родился 22 августа 1986 г. и, таким образом, 8 декабря 2003 г. ему было 17 лет. Следовательно, в период, относящийся к обстоятельствам дела, он являлся несовершеннолетним. Жестокое обращение оказывает большее воздействие на несовершеннолетнего, особенно с психологической точки зрения (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ривас против Франции», § 42, и Постановление Европейского Суда по делу «Даррадж против Франции» (*Darraaj v. France*) от 4 ноября 2010 г., жалоба № 34588/07, § 44), чем на взрослого человека. Европейский Суд во многих случаях подчеркивал уязвимость несовершеннолетних в контексте статьи 3 Конвенции. Так было, например, в деле «Оккалы против Турции» (*Okkali v. Turkey*) (жалоба № 52067/99, *ECtHR* 2006-XII (извлечения)), Постановлении Европейского Суда по делу «Язгюл Йилмаз против Турции» (*Yazgül Yılmaz v. Turkey*) (от 1 февраля 2011 г., жалоба № 36369/06) и Постановлении Европейского Суда по делу «Юрку против Республики Молдова» (*Iurcu v. Republic of Moldova*) (от 9 апреля 2013 г., жалоба № 33759/10). Необходимость учета уязвимости несовершеннолетних лиц также ясно подтверждалась на международном уровне (см. §§ 52–53 настоящего Постановления).

110. Европейский Суд подчеркивает, что для сотрудников правоохранительных органов, находившихся в контакте с несовершеннолетними, при исполнении обязанностей было жизненно важно учитывать уязвимость, присущую их юному возрасту (Европейский кодекс полицейской этики, § 44, см. § 51 настоящего Постановления). Поведение полиции по отношению к несовершеннолетним может быть несовместимо с требованиями статьи 3 Конвенции только потому, что они являются несовершеннолетними, тогда как оно может считаться приемлемым в отношении взрослых. Следовательно, сотрудники правоохранительных органов должны проявлять большую бдительность и самоконтроль, имея дело с несовершеннолетними.

111. Таким образом, пощечины, причиненные каждому заявителю полицейскими во время нахождения под их контролем в отделе полиции Сен-Жосс-тен-Ноде, не соответствовали использованию физической силы, которая была строго необходимой в силу их поведения, и умаляли их достоинство.

112. Поскольку заявители ссылались только на незначительные телесные повреждения и не доказали, что они испытали серьезные физические или нравственные страдания, данное обращение не может квалифицироваться как бесчеловечное, а тем более как пытка. Следовательно, Европейский Суд находит, что настоящее дело касается унижающего достоинство обращения.

113. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в материальном аспекте в отношении каждого заявителя.

2. Процессуальный аспект жалобы

(а) Общие принципы

114. Европейский Суд ссылается на общие принципы, установленные, в частности, в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии» (упоминавшемся выше, §§ 182–185) и в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мокану и другие против Румынии» (упоминавшееся выше, §§ 316–326).

115. Эти принципы указывают, что общий запрет пытки и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания представителями государства, в частности, был бы неэффективным на практике, если бы не существовала процедура расследования утверждений о жестоком обращении с лицами, удерживаемыми ими.

116. С учетом общей обязанности государства в соответствии со статьей 1 Конвенции «обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», она косвенно требует проведения эффективного официального расследования, если лицо выдвигает достоверное утверждение о том, что оно подверглось обращению, нарушающему статью 3 Конвенции со стороны, в частности, полиции или иных аналогичных органов.

117. Существенная цель подобного расследования заключается в обеспечении эффективного применения внутригосударственного законодательства, запрещающего пытку и бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания в делах с участием государственных представителей или органов, в обеспечении их ответственности за жестокое обращение, имевшее место в ситуации, находящейся под их контролем.

118. В целом в интересах эффективности расследования лица, несущие за него ответственность, должны быть независимыми от причастных к событиям лицам. Это означает не только отсутствие иерархических или институциональных связей, но и фактическую независимость.

119. Однако какой бы образ действий ни был избран, власти должны действовать по своей инициативе. Расследование также должно быть эффективным в смысле обеспечения установления и наказания виновных. Оно должно быть достаточно широким, чтобы позволить следственным органам принять во внимание не только действия представителей государства, которые прямо осуществляли применение силы, но также все сопутствующие обстоятельства.

120. Хотя это обязательство не достижения результатов, а применения средств, любой недостаток расследования, который умаляет возможность установления причин травм или личности виновных, может привести к нарушению этого стандарта эффективности.

121. В данном контексте подразумевается требование безотлагательного начала расследования и проведения его в разумный срок. Даже при наличии препятствий или сложностей, которые мешают продвижению расследования в конкретной ситуации, безотлагательная реакция властей имеет принципиальное значение для поддержания общественного доверия их приверженности верховенству закона и исключения любых признаков сговора или терпимости к незаконным действиям.

122. Потерпевший должен иметь возможность эффективно участвовать в расследовании.

123. Наконец, расследование должно быть тщательным, что означает, что власти всегда должны предпринимать серьезные попытки установить, что на самом деле произошло, и не должны со ссылкой на поспешные или необоснованные выводы прекращать расследование.

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

124. Европейский Суд полагает, что утверждения заявителей, изложенные в жалобах, поданных внутригосударственным органам, о том, что они подверглись обращению, нарушающему статью 3 Конвенции, со стороны сотрудников Сен-Жос-тен-Нодеском отдела полиции, были доказуемыми. Таким образом, статья 3 Конвенции требует от властей проведения эффективного расследования.

125. Власти Бельгии утверждали, что способ проведения расследования был удовлетворительным с учетом критериев, установленных в прецедентной практике, как изложено выше.

126. Европейский Суд не разделяет мнение властей Бельгии.

127. Он отмечает, что после того, как заявители предъявили гражданские иски, были инициированы расследования, и двум сотрудникам полиции, указанным заявителями, было предъявлено обвинение в применении насилия против лиц, находившихся при исполнении своих обязанностей, и, в частности, в умышленном причинении ранений или нападении и участии в произвольных действиях в нарушение прав и свобод, гарантированных Конституцией. Расследование проводилось в соответствии с установленными законом требованиями под руководством следственного судьи. Таким образом, оно находилось под контролем независимого органа. Кроме того, отсутствуют какие-либо основания полагать, что заявители не могли участвовать в разбирательстве.

128. Тем не менее следственный судья, который, по-видимому, не давал распоряжений о принятии конкретных следственных мер лично, ограничился предложением об учете следственным отделом «Комитета Р» гражданского иска заявителей, о их допросе для выяснения подробностей их жалобы, о составлении доклада о поведении семьи Буидов, о составлении списка дел, возбужденных против них, и жалоб, поданных ими, и о пояснении, какие меры были приняты в этой связи. Он не провел и не организовал очную ставку между сотрудниками полиции и заявителями или не допросил и не организовал допрос врачей, которые составили медицинские справки, предоставленные заявителями, или человека, который находился с первым заявителем, когда сотрудник А.З. остановил и допросил его на улице 8 декабря 2003 г. (см. § 11 настоящего Постановления), или суперинтенданта К., который встречался со вторым заявителем в доме последнего 23 февраля 2004 г., сразу после того, как он покинул Сен-Жос-тен-Нодеский отдел полиции (см. § 26 настоящего Постановления). Однако подобные меры могли помочь в установлении фактов.

129. Таким образом, расследование в основном свелось к допросам сотрудников полиции, причастных к происшествиям, другими сотрудниками полиции из следственного отдела «Комитета Р» и подготовке этими сотрудниками отчета с описанием собранных доказательств, а затем сотрудниками полиции (Департамента внутреннего контроля полицейского округа, охватывающего место жительства заявителей), которые в целом описывали «общее поведение» семьи Буидов.

130. Кроме того, не были представлены мотивы объяснений королевского прокурора или приказа отделения предания суду Брюссельского суда первой инстанции о прекращении дела. Кроме того, оставляя без изменения этот приказ о прекращении, обвинительная камера Брюссельского апелляционного суда практически исключительно руководствовалась вышеупомянутым отчетом о поведении семьи Буидов и отрицании сотрудниками этих обвинений, без оценки достоверности и серьезности утверждений заявителей о том, что их ударили данные сотрудники. Также следует отметить, что решение обвинительной камеры от 9 апреля 2008 г., которое содержит только краткую ссылку на медицинскую справку, предоставленную вторым заявителем, вообще не упоминает справку, предоставленную первым заявителем.

131. Эти факторы скорее указывают, что следственные органы не уделили требуемое внимание утверждениям заявителей, несмотря на их подкрепление медицинскими справками, которые они представили для включения в материалы дела, или природе акта, включавшего нанесение пощечин сотрудником правоохранительных органов лицу, которое полностью находилось под его контролем.

132. Наконец Европейский Суд отмечает необычную длительность расследования, объяснения которой властями Бельгии представлено не было. События имели место 8 декабря 2003 г. в деле первого заявителя и 23 февраля 2004 г. в деле второго, и заявители подали свои жалобы в «Комитет Р» 9 декабря 2003 г. и 23 февраля 2004 г. соответственно до подачи гражданского иска 17 июня 2004 г. Однако приказ о прекращении был вынесен только 27 ноября 2007 г. Что касается решений обвинительной камеры Брюссельского апелляционного суда и Кассационного суда, они были вынесены 8 апреля и 29 октября 2008 г. соответственно. Таким образом, прошло почти пять лет с даты жалобы первого заявителя до решения Кассационного суда, ознаменовавшего прекращение разбирательства, а в деле второго заявителя истекло свыше четырех лет и восьми месяцев.

133. Как ранее подчеркивал Европейский Суд, даже при наличии препятствий или сложностей, которые мешают продвижению расследования в конкретной ситуации, безотлагательная реакция властей имеет принципиальное значение для поддержания общественного доверия их приверженности верховенству закона и исключения любых признаков сговора или терпимости к незаконным действиям (см. среди других примеров Постановление Европейского Суда по делу «Маккерр против Соединенного Королевства» (*McKerr v. United Kingdom*, жалоба № 28883/95, § 114, *ECHR* 2001-III, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мокану и другие против Румынии», § 323).

134. С учетом вышеизложенного Европейский Суд полагает, что заявители не пользовались выгодами эффективного расследования. Европейский Суд приходит к выводу о нарушении процессуального аспекта статьи 3 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

135. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. УЩЕРБ

136. Как и в Палате Европейского Суда, заявители совместно требовали выплаты 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда, вытекающего из нарушения материального аспекта статьи 3 Конвенции, и 48 110 евро в качестве компенсации морального вреда из-за нарушения про-

цессуального аспекта той же статьи. Они объясняли последнюю сумму разочарованием, которое они испытали в результате недостатков расследования, которое началось 7 марта 2006 г. с приказа об отказе в дополнительных следственных мерах и продолжалось до 14 ноября 2012 г. Заявители полагали целесообразным присудить каждому из них по 15 евро в день за период до 29 октября 2008 г., когда Кассационный суд вынес свое решение (в общей сложности за 952 дня), и по 5 евро в день за последующий период (в общей сложности 1 455 евро).

137. Власти Бельгии, которые не комментировали эти требования в Большой Палате, указали в своих объяснениях в Палате Европейского Суда, что они оставляют вышеупомянутую сумму в 5 000 евро на усмотрение Европейского Суда. Они также предложили не принимать во внимание денежную оценку заявителями ущерба, причиненного нарушением процессуального аспекта статьи 3 Конвенции, утверждая, что она является неразумной и нереалистичной. Власти Бельгии добавили, что, если бы Европейский Суд должен был рассматривать, что восстановление прав заявителей в результате того, что установление нарушения составляло недостаточное возмещение, компенсация в этой части должна быть уменьшена до справедливого уровня.

138. Европейский Суд находит неоспоримым, что заявителям был причинен моральный вред в связи с нарушениями, установленными в соответствии с материальным и процессуальными аспектами статьи 3 Конвенции, жертвами которого они являлись. Осуществляя оценку на основе принципа справедливости согласно статье 41 Конвенции, Европейский Суд присуждает каждому заявителю 5 000 евро.

B. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

139. Как и в Палате Европейского Суда, заявители требовали выплаты 4 088 евро 71 цент в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в судах страны. Они также требовали выплаты 25 167 евро 04 цента в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в разбирательстве дела Европейским Судом, то есть 7 051 евро 42 цента в отношении гонораров Маршана и 18 115 евро 62 цента в отношении гонораров Шихауи. Они пояснили, что согласовали с двумя адвокатами часовые ставки в размере 85 и 125 евро соответственно. Кроме того, Маршан выставил им в счет за подготовку их жалобы в течение 35 часов, заявления о передаче дела в Большую Палату Европейского Суда в течение примерно 13 часов и их меморандума в Большой Палате Европейского Суда в течение примерно девяти часов, а Шихауи выставил им в счет подготовку их объяснений в Палате в течение 51 часа, заявления о передаче дела в Большую Палату Европейского

Суда в течение примерно 69 часов и их меморандума в Большой Палате Европейского Суда в течение примерно девяти часов. Они предоставили различные документы в поддержку этих требований.

140. Власти Бельгии, которые не комментировали эти требования в Большой Палате Европейского Суда, указали в своих объяснениях в Палате, что они рассматривали часовую ставку в 85 евро как разумную. С другой стороны, они утверждали, что привлечение второго адвоката с часовой ставкой в 125 евро представлялось необязательным, и, соответственно, просили отклонить эту часть требований или, по крайней мере, применить ту же часовую ставку в 85 евро.

141. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жонесс против Нидерландов» (*Jeunesse v. Netherlands*) от 3 октября 2014 г., жалоба № 12738/10¹, § 135). В настоящем деле, принимая во внимание предоставленные ему документы и вышеприведенные критерии, Европейский Суд считает необходимым присудить заявителям совместно 10 000 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных во внутригосударственных судах.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

142. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) постановил 14 голосами «за» и тремя – «против», что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте;

2) постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте;

3) постановил 15 голосами «за» и двумя – «против», что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить следующие суммы:

(i) 5 000 евро (пять тысяч евро) в пользу каждого заявителя, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 10 000 евро (десять тысяч евро), а также любой налог, обязанность уплаты которого

может быть возложена на заявителей в связи с указанной суммой, заявителям совместно в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

4) отклонил единогласно оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, вынесено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 28 сентября 2015 г.

Йохан КАЛЛЕВАРТ	Дин ШПИЛЬМАНН
Заместитель Секретаря	Председатель
Большой Палаты Суда	Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается совместное частично несовпадающее особое мнение судей Винсента А. де Гаэтано, Пауля Лемменса и Пола Махони.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ВИНСЕНТА А. ДЕ ГАЭТАНО, ПАУЛЯ ЛЕММЕНСА И ПОЛА МАХОНИ

(Перевод)

1. Мы согласны с выводом большинства судей о нарушении процессуального аспекта статьи 3 Конвенции. Однако, к нашему сожалению, мы не можем присоединиться к выводу большинства о том, что имело место нарушение материально-правового аспекта этой статьи.

2. Мы хотели бы с самого начала подтвердить, что мы поддерживаем общие принципы, воспроизведенные большинством судей (в §§ 81–90 настоящего Постановления). Мы точно так же готовы признать, как и большинство, что, применяя соответствующие правила доказывания в настоящем деле, можно заключить, что каждый из заявителей получил пощечину, находясь под контролем полиции (см. §§ 91–98 настоящего Постановления)².

Вопрос, в котором мы не в силах согласиться с большинством судей, это квалификация в соответствии со статьей 3 Конвенции обращения, которому подверглись заявители (см. §§ 100–113 настоящего Постановления).

² Однако с учетом сделанного нами заключения мы можем оставить открытым вопрос об установлении фактов, как сделала Палата Европейского Суда (Постановление от 21 ноября 2013 г., § 49).

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 5 (примеч. редактора).

3. Мы считаем, как и Палата Европейского Суда (Постановление от 21 ноября 2013 г., § 50) и большинство судей Большой Палаты Европейского Суда (см. § 106 настоящего Постановления), что сотрудники полиции, которые без нужды бьют лицо, находящееся под их контролем, совершают нарушение профессиональной этики. Кроме того, в демократическом обществе можно ожидать, что подобное действие также составит деликт и преступление.

Мы хотим подчеркнуть, что пощечина, причиненная сотрудником полиции, неприемлема (см. тот же вывод в Постановлении Палаты Европейского Суда от 21 ноября 2013 г., § 51). Поэтому наше несовпадающее мнение ни в коем случае не следует толковать в пользу любой безнаказанности сотрудников полиции или даже как толерантность к тому, что случилось в Сен-Жосстен-Нодеском отделе полиции.

Однако Европейский Суд не должен высказывать мнения на основе профессиональной этики или внутригосударственного законодательства. Что нас беспокоит, то это это более узкий вопрос о том, составляло ли неприемлемое обращение с заявителями «унижающее достоинство обращение» и потому нарушение не столько прав заявителей, сколько их основных прав, гарантированных Конвенцией.

4. Мы готовы признать вслед за большинством судей, что, если лицо находится под контролем полиции, любое применение физической силы, которое не было строго необходимым в силу поведения лица, умаляет человеческое достоинство (см. §§ 88 и 100 настоящего Постановления).

Мы готовы прийти к данному выводу, не прибегая к подробным наблюдениям о человеческом достоинстве, изложенным в той части Постановления, которая посвящена международным материалам, инструментам и документам (§§ 45-47 настоящего Постановления) и в разделе «Право» (§§ 89-90 настоящего Постановления). Действительно, хотелось бы знать, какой практической цели отвечают эти наблюдения притом, что большинство не дало указаний о том, как следует воспринимать понятие человеческого достоинства. Наблюдения представлены, как если бы они предназначены к установлению доктрины, но в реальности они немного дают читателю в порядке просвещения.

5. Однако следует ли признать, что любое вмешательство в человеческое достоинство составляет унижающее достоинство обращение и поэтому нарушение статьи 3 Конвенции? Не заходя так далеко, большинство судей, по-видимому, полагает, что любое вмешательство в человеческое достоинство, вытекающее из применения силы полицией, с необходимостью нарушает статью 3 Конвенции.

Мы думаем, что, делая этот вывод, большинство судей отступило от последовательной прецедент-

ной практики о том, что, если применение физической силы умаляет человеческое достоинство, оно «в принципе» составляет нарушение статьи 3 Конвенции. Соответствующая прецедентная практика в действительности дважды упомянута в настоящем Постановлении (в § 88, со ссылкой на Постановление Европейского Суда по делу «Рибич против Австрии» (*Ribitsch v. Austria*) от 4 декабря 1995 г., § 38, Series A, № 336, Постановление Европейского Суда по делу «Мете и другие против Турции» (*Mete and Others v. Turkey*) от 4 октября 2011 г., жалоба № 294/08, § 38, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии» (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 39630/09, § 207, *ECHR* 2012, и в § 100). По нашему мнению, использование выражения «в принципе» предполагает, что возможны исключения, то есть случаи вмешательства в человеческое достоинство, которые, тем не менее, не нарушают статью 3 Конвенции. В этом отношении мы бы сослались на Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства», в котором Европейский Суд установил, что возможно «насилие, требующее осуждения по моральным основаниям, а также в большинстве случаев в соответствии с внутригосударственным законодательством Договаривающихся Сторон, но не относящееся к сфере действия статьи 3 Конвенции» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*) от 18 января 1978 г., § 167, Series A, № 25).

Это потому, что существуют виды обращения, которые при вмешательстве в человеческое достоинство, не достигают минимального уровня суровости, требуемого для его отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства», § 162, и среди недавних примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии», § 196, Постановление Большой Палаты Европейского Суда «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*), жалобы 3N° 32541/08 и 43441/08, § 114, *ECHR* 2014 (извлечения), и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таракхель против Швейцарии» (*Tarakhel v. Switzerland*), жалоба № 29217/12, § 94, *ECHR* 2014 (извлечения)).

6. Основной вопрос, возникающий в настоящем деле, заключается в том, был ли этот минимальный уровень достигнут в отношении заявителей.

Большинство судей начинает с подчеркивания того, что оценка этого минимума зависит от всех обстоятельств дела (см. § 86 настоящего Постановления). Однако затем они не заботятся

о конкретных обстоятельствах, вместо этого приняв в высшей степени догматическую позицию: любое поведение сотрудников правоохранительных органов по отношению к лицу, умаляющее человеческое достоинство, составляет нарушение требований статьи 3 Конвенции независимо от последствий для данного лица (см. § 101 настоящего Постановления).

Со своей стороны мы полагаем, что конкретные обстоятельства имеют фундаментальное значение. Европейский Суд не должен устанавливать общие правила поведения сотрудников правоохранительных органов; вместо этого его задача ограничена индивидуальной ситуацией заявителей в пределах, в которых они утверждают, что лично затронуты обжалуемым обращением (см. *mutatis mutandis* Постановление Европейского Суда по делу «Лорсе и другие против Нидерландов» (*Lorsé and Others v. Netherlands*) от 4 февраля 2003 г., жалоба № 52750/99, § 62, Постановление Европейского Суда по делу «Ван дер Вен против Нидерландов» (*Van der Ven v. Netherlands*, жалоба № 50901/99, § 50, *ECHR* 2003-II, и Постановление Европейского Суда по делу «Линдстрём и Мяссели против Финляндии» (*Lindström and Mässeli v. Finland*) от 14 января 2014 г., жалоба № 24630/10, § 41). Определенные факторы диктуют, что серьезность насилия, примененного к заявителям, должна восприниматься в перспективе. Они затрагивают, в частности, длительность обращения, его физические или психологические последствия, намерения или мотивы, стоящие за ним, и контекст, в котором оно причиняется (см. аспекты, признанные относимыми в прецедентной практике Европейского Суда, изложенные в § 86 настоящего Постановления). Как отметила Палата Европейского Суда, оба происшествия в настоящем деле включали изолированные пощечины, бездумно причиненные сотрудником полиции, который был раздражен неуважительным или провокационным поведением заявителей, в контексте трений между членами семьи заявителей и сотрудниками полиции в данном районе и при отсутствии серьезных или долгосрочных последствий (см. Постановление Палаты Европейского Суда от 21 ноября 2013 г., § 51). Хотя обжалуемое обращение было неприемлемым (см. § 3 настоящего особого мнения), мы не можем признать, что оно достигло минимального уровня суровости, который должен квалифицироваться как «унижающее достоинство обращение» в значении статьи 3 Конвенции.

7. Мы боимся того, что постановление может установить нереалистичный стандарт, сделав бессмысленным требование минимального уровня суровости к актам насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов. От сотрудников полиции может потребоваться сохранять самоконтроль при всех обстоятельствах независимо от поведения лица, с которым они имеют дело

(см. § 108 настоящего Постановления), но это не исключит происшествия, в которых люди ведут себя провокационно по отношению к ним, как в настоящем деле, и вынуждают их раздражаться. Тогда компетентные внутригосударственные суды при необходимости должны определять, может ли быть извинительным поведение сотрудников. Заключить вслед за большинством судей, что при любом происшествии государство должно нести ответственность за нарушение фундаментальных прав жертв, в частности, за уклонение от подготовки должностных лиц своих правоохранительных органов «таким образом, чтобы обеспечивать их высокий уровень компетентности» (см. § 108 настоящего Постановления), по нашему мнению, было бы явной недооценкой различных трудностей, которые могут возникать в ситуациях реальной жизни.

Это замечание не может быть отклонено указанием на то, что запрет пытки и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания является абсолютным независимо от поведения заинтересованного лица (см. § 108 настоящего Постановления). Мы также подписываемся под абсолютным характером данного запрета. Однако он применяется, только если установлено, что конкретный пример обращения достиг требуемого уровня суровости.

Имеются также достаточные основания полагать, что абсолютный характер запрета, установленного статьей 3 Конвенции, является одной из причин того, что эта статья нарушается, только когда достигнут уровень суровости. Европейский Суд регулярно напоминает, что он учитывает серьезность вывода о том, что государство-участник нарушило фундаментальные права (см. среди других примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (*Nachova and Others v. Bulgaria*), жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, § 147, *ECHR* 2005-VII, Постановление Европейского Суда по делу «Мате против Нидерландов» (*Mathew v. Netherlands*), жалоба № 24919/03, § 156, *ECHR* 2005-IX, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Грузия против Российской Федерации (I)» (*Georgia v. Russia*), жалоба № 13255/07, § 94, *ECHR* 2014 (извлечение)). Это особенно верно в отношении установления нарушения статьи 3 Конвенции, положения, которое закрепляет «закрепляет одну из наиболее фундаментальных ценностей демократических обществ» (см. § 81 настоящего Постановления) и требует абсолютного запрета со стороны государств.

Соответственно, мы должны избегать опшления выводов о нарушении статьи 3 Конвенции. Обжалуемая в настоящем деле ситуация намного менее серьезна, чем во многих других делах, с которыми Европейский Суд, к сожалению, сталки-

вался. Тогда какое влияние оказывает установление нарушения статьи 3 Конвенции?¹

8. Уязвимость жертвы является фактором, который может быть принят во внимание при оценке серьезности вмешательства в человеческое достоинство. Большинство судей сослалось в этой связи, хотя и в качестве второстепенного соображения, на тот факт, что первый заявитель являлся несовершеннолетним в период, относящийся к обстоятельствам дела (см. §§ 109–110 настоящего Постановления).

Мы полагаем, что Европейский Суд не имеет достаточно информации, чтобы рассматривать возраст первого заявителя как действительно относимый фактор в настоящем деле. Это была не первая его стычка с полицией. Кроме того, он являлся членом семьи, у которой были сложные отношения с полицией в течение многих лет и которая подала несколько уголовных жалоб против сотрудников полиции. Ссылка на возраст первого заявителя как на основу для заключения о том, что он был уязвимым

лицом, по отношению к которому сотрудники полиции должны проявлять «большую бдительность и самоконтроль» (см. § 110 настоящего Постановления), по нашему мнению, является слишком теоретическим подходом. Вывод, сделанный в этом отношении, рискует полностью разойтись с реальностью.

9. Признавая, что по делу допущено нарушение материально-правового аспекта статьи 3 Конвенции, большинство судей пыталось проявить нулевую терпимость к сотрудникам полиции, прибегающим к физической силе, которая не является строго необходимой в силу поведения лица, с которым они имеют дело. Это само по себе похвальная цель. Полицейское насилие неприемлемо.

Однако мы предпочли бы более гибкую оценку фактов дела с более прочной опорой на реальность. По вышеизложенным причинам мы полагаем, что обжалуемое обращение, не достигло уровня суровости, требуемой для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции.

¹ Вопрос, который не обсуждался в настоящем деле, но, несомненно, возникнет в будущем, заключается в том, должен ли строгий стандарт, установленный большинством судей, применяться также в делах по поводу выдачи или высылки иностранцев. Препятствует ли статья 3 Конвенции выдаче или высылке иностранца в страну, где ему угрожает пощечина (однажды)?